

Владимир Петровский

**ПОДАРОК
ОТ ПРИЗРАКА**
детектив

Владимир Петровский

Подарок от Призрака. детектив

«Издательские решения»

Петровский В.

Подарок от Призрака. детектив / В. Петровский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834502-9

Поиски пропавшего делового партнера неожиданно перерастают в расследование международного масштаба. Роман будет интересен любителям конного спорта и остросюжетных детективов.

ISBN 978-5-44-834502-9

© Петровский В.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	13
3	17
4	21
5	25
6	30
7	36
8	40
9	44
10	48
11	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Подарок от Призрака
детектив
Владимир Петровский

© Владимир Петровский, 2017

ISBN 978-5-4483-4502-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Бывший капитан милиции Коля Елагин, надев свой старый брезентовый рыболовный бушлат с капюшоном, уже полчаса наблюдал за пивной, расположенной на улице под названием Нижняя, где-то на задворках центра Москвы. Обидно было то, что стоял он, как пацан, самолично в засаде, ожидая интересующих его людей. Без помощников, без связи и даже без законных оснований вести наблюдение.

Коля нелегально, в порядке небольшой, но квалифицированной помощи (насколько мог ее оказать бывшим уркам, не теряя к себе уважения, бывший капитан милиции) служил интересам юридической фирмы «Шпис и Прен», учрежденной пару месяцев назад бывшим его постоянным клиентом, многократно задержанным и дважды осужденным, Лево́й Шписом. Шпис – это была его кличка. Прен – фамилия. Настоящая. Но друзья звали Шписом, потому в названии фирмы это слово стояло первым.

Ле́ва, всегда бывший жуликом, теперь набрал ребят с адвокатским опытом, и вот, стал недосыгаем. Это совпало с тем, что Колю Елагина вначале отстранили, а затем и уволили со службы. Отвратительная была история, шумная, с обвинениями в превышении полномочий и попыткой заведения уголовного дела. Но до суда не дошло. Елагин старался больше не рассуждать на эту тему. А то пришлось бы задуматься, зачем Шпис прибегает к его услугам. Может, еще одна подставка? Чтоб уж совсем прикончить законным способом, втянув во что-нибудь подстроенное по заказу? Поэтому он предпочитал считать, что Лева тут ни при чем. Скорее всего, так и было. Просто сменилось начальство, кто-то использовал этот момент для сведения счетов, его и отстранили. Удобный был момент. В прошлом у Коли было много конфликтов с руководством, собственное мнение... Это тоже причина. Кто-то ловко использовал всё, любую мелочь.

Зимней ночью в парке Дружбы у «Речного Вокзала» ему подстроили большую драку с кричащей где-то в середине толпы женщиной, и когда он, не удержавшись, полез выручать, в него выстрелили. Он лежал на морозе долго, но кто-то обнаружил его, вытащил на Ленинградское шоссе, и вызвал «Скорую». А утром рядом с тем местом, где он лежал, нашли труп. Стреляли из его оружия, но Коля не помнил этого... не помнил. Не стрелял он. Доказать ничего не смогли, ни за, ни против. Назвали самообороной. И под огромным нажимом уволили. Он догадывался, чья это работа. Но ничего тогда противопоставить не смог.

На единственного своего работодателя, Шписа, Елагин грешить не хотел. То, что было прежде – дело прошлое. Работа такая. Все же, у капитана жена, родители старые. Кормить их надо. Демократия уже успела напугать его не на шутку. Елагин не был готов к такому. Весь его двадцатилетний советский опыт протестовал. Родная милиция поступила с ним скверно, а Лева дал работу. Ну и ладно. Теперь лучше не сомневаться.

На этой мысли Елагин увидел тех, кого ждал. Двух мужиков, направлявшихся к пивной. Один из них был Мамтеев, конюх с ипподрома. Единственная пока зацепка в поисках. Дело заключалось в том, что пропал один из двух Левиных компаньонов, по фамилии Сорока, и капитану было поручено узнать хоть что-то. У блатных никакой информации не было.

– Может, забухал, – сказал ему Лева, неприятно улыбаясь. – С кем не случается, все не святые. Может, у бабы. Но ты мне его найди.

Лева заметно опасался чего-то, капитан сразу заметил. Значит, есть основания.

Что ж, его дело маленькое. Мамтеева ему назвали знакомые ребята из отделения, работавшего по ипподрому. Про Сороку они тоже сказали, сразу. Того нашли сегодня утром, всего несколько часов назад, с удавкой на шее в кустах позади одной из рысистых конюшен. Но никаких заявлений его брат – видимо, единственный близкий родственник, с которым

сразу и созвонились – писать не захотел: отказался, сославшись на полную уверенность в самоубийстве беспрерывно игравшего в тотализаторе Сороки. С другими делами, находившимися в работе в следственном отделе, это тоже не стыковалось. Выходило, что сам себе удавку затянул. И никаких вопросов. Поэтому и дело заводить не будут. Кому нужен безнадежный висяк?.. Ипподром – это место, где и покруче дела не заводили. Заключение было такое, что владелец двух процветающих оптовых складов Сорока проигрался в тотализаторе и покончил с собой. А с Мамтеевым пытались было поначалу говорить по-нормальному, потому что удавка была сыромятная, новая, из ремня, который только что привезли в конюшню, где он работал и где с утра был один, но он послал всех: ничего не видел и не знаю, и всё. Так что, единственным подозреваемым мог бы быть пока что именно он, но это в том случае, если бы завели дело об убийстве. А оно заведено не было.

Капитан удивился, как это такой богатый человек может проиграться до безвыходного положения, а потом заодно порасспросил о всяких мелочах. Отношения у него с местными следователями были хорошие, знал он их давно, поэтому на некоторые касающиеся службы вопросы ему ответили без проблем, как бы между делом. Капитан поблагодарил и отправился искать Мамтеева, предупрежденный о его неприветливом нраве.

Можно было, конечно, на этом и остановиться, ведь поручили ему найти Сороку, и только. Но Елагин привык доводить дела до конца, а тут явно было никакое не самоубийство, а убийство, да еще и по непонятным причинам. Из отделения он вышел, полностью уверенный в этом. И теперь совесть не позволяла просто передать Леве услышанное от следователей. Вроде, как сплетню какую-то. К тому же, интуиция... Объяснить это Коля Елагин не мог, но чувствовал, что дело серьезнее, чем ссора или какой-нибудь неудачный дележ. Не случайно же Лева так всполошился.

И капитан, накинув сверху первое, что под руку попало поглубже (а попался бушлат) отправился дознавать.

Он пересек улицу и, копаясь в карманах, вошел в пивную. Не глядя по сторонам, протолкался к стойке, взял две кружки. Вышел в огороженный закуток двора, уставленный старыми ящиками, устроился поудобней. И только после этого неторопливо огляделся.

Те, кто был ему нужен, стояли рядом, держа в руках по пиву, и молча тянули желтую жидкость. Рядом с Мамтеевым, малым приезжим, стоял с кружкой довольно мрачного вида парень, совсем молодой. Скользнув по ним равнодушным взглядом, Коля сделал пару глотков и сунул в рот сушку. Хорошие тут сушки, соленые. Немножко только недосушенные, подумал он. Это были мысли, которые текли сами по себе, отражаясь на лице. Но и только. Камуфляж. Спроси Колю через пару секунд, о чем он сейчас думал – не вспомнит. Зато что говорили двое по соседству слышал отлично, и уж это в памяти откладывалось. Но те, словно специально портя капитану мозги, несли какую-то чушь.

Мамтеев, отпив из кружки, вытер пену с верхней губы и предложил:

– Спорим, это, из десяти сушек ни одна на три части не сломается?

– Не сломается, – подтвердил, подумав, его молодой приятель.

– Не-ет. Ты, это, спорить должен. Ну ладно. Тогда я говорю, сломается. А ты – не сломается. Годится? На пиво спорим?

– Да.

Мамтеев сходил к стойке и принес десять соленых сушек. Они поломали их, сдавливая в кулаке, но все развалились на четыре части.

– Почему так? – философски спросил Мамтеев.

– Физика, – непонятно и умно ответил второй. – Бесполезно спорить. Давай еще? Просто так, не на пиво.

Теперь пошел к стойке он и принес еще десять, но результат оказался тот же.

– Еще? – снова спросил увлекшийся экспериментом молодой.

– Давай, это, поедим, – ответил Мамтеев.

Они пожевали обломки сушек и допили пиво, после чего азартный молодой притащил от стойки картонную коробку из-под сигарет «Ява», полную все тех же сушек.

– Ты озверел? – спросил Мамтеев. – Сколько тут?

– Коробка, не видишь?

Он поставил коробку на стол, потеснив пустые кружки, и сразу принялся ломать.

Капитан прикинул в уме. Коробка была большой. Выходило, что они до вечера будут тут физикой заниматься. Неторопливо, поглядывая по сторонам, Елагин допил пиво, вытер губы тыльной стороной руки. Вторую кружку оставил нетронутой. Вздохнул, лениво окинул взглядом дворик пивной, где, кроме них, находились еще несколько человек с кружками. Встал, покопался в карманах куртки и спросил у Мамтеева:

– Друг, закурить не будет?

– Не курю, – ответил тот, не отвлекаясь от своего занятия.

– Так... вон же сигареты, – осторожно поинтересовался Коля, показывая пальцем на полную сушек коробку из-под «Явы».

Ему нужно было, чтоб они запомнили его как посетителя пивной. Пригодится потом.

– Тебе чего? – спросил молодой неприязненно. – Сказали не курим – значит, на хлеб мажем. Нет у нас сигарет. Иди, вон, и сам купи.

– А, ну хорошо, – покладисто сказал Коля. – Куплю, конечно... Ребят, пивка не хотите? Не притрагивался, честно. Просто не люблю я пиво, пустое это дело... Взял лишнее. Лучше водочки.

Они молча, с сомнением разглядывали то Колю, то его кружку. Потом Мамтеев сказал, вытаскивая из кармана пачку «Примы»:

– Держи. Там, это, последняя. Денег нет.

Капитан взял, попросил спичек. Закурил, поморщился от затяжки, спросил, как пройти к ипподрому.

– Тебе, это, чего надо-то? – заинтересовался Мамтеев, посмотрев на него попристальней. – Ипподром там вон, вдоль гаражей иди. Не промахнешься. Только не пустят тебя.

– Пустят. Друг там работает. Из Воронежа. Помощник наездника. Сальгов, не знаешь такого?

– Нет, не знаю, – покачал головой Мамтеев. – Это... нет там таких. Наврал твой друг.

– Ну как наврал... говорит, заходи. Вернячок, говорит, будет.

Мамтеев усмехнулся, но ничего не сказал.

– А ты... – спросил, помявшись, капитан. – Ты что, тоже оттуда... с ипподрома?

– Ну оттуда.

– Слушай... друг. А ты... короче, программку для тоточки разметить... устроить можешь? Вернячок нужен, отыгаться.

– Ну приходи. Только, это, с бутылкой, – согласился Мамтеев. – Будет тебе вернячок.

– Точно?.. Сделаешь? – обрадовался капитан. – Как тебя найти-то?

– Тренотделение Линько. Спросишь там, у входа. Скажи, это, Колька Мамтёв нужен. Я, значит. Приходи, это... вечером. Я дежурю. Программка есть? Если нет – купи. Завтрашнюю. Там сейчас продают, у тоточки. Понял?.. Я размечу.

– Понял, – кивнул капитан с надеждой во взгляде. – Понял. Приду. А ты... кто? Наездник?

– Наездник, наездник. Приходи. Только, это, с бутылкой, понял?

Коля пошел в сторону, куда показали. Теперь запомнят, это уж точно. Мужик из пивной, бестолковый. В тоточке пролетел, теперь ищет вернячка отыгаться. Годится.

Дальше он позвонил на фирму. Из автомата. Лева обзавелся секретаршей, которая отвечала теперь по телефону, а та невзлюбила почему-то Елагина с первого взгляда. Теперь она неприязненно произнесла, узнав его голос:

– Шефа нет.

– А когда будет?

– Не сказал.

– Чего ты мне... всегда он говорит.

– Это внутренняя информация.

– Ну так и скажи внутреннюю. Ему же самому это нужно. Смотри, рассердится он на тебя.

– Не рассердится, – довольным голосом произнесла секретарша, но тут же и открыла тайну: – Он будет вечером. Здесь, в офисе.

– А куда уехал?.. Ты мне, смотри... не шути. Тут дело серьезное, – предупредил Коля, предвидя новые преграды.

Она помолчала. Видно, Лева Шпис и впрямь что-то говорил о нем, поэтому информация была-таки выдана. Искать Леву надо было в его любимом кабаке, в «Анне Монс», на Краснокарменной. Коля повесил трубку. Красивая, подумал он про секретаршу. Все длинное – ноги, волосы. Стерва только. Спит, наверно, слевой. Тут уж любая стервой станет. Лева!.. Обидно даже. Теперь и он король.

Он поехал в «Анну Монс». В дверях стоял охранник, молодой, крепкий. Тоже, наверно, из милиции, подумал, увидев его, Коля. Что-то неуловимо знакомое почудилось. Свой, вроде. Охранник, однако, на неуловимое не отвлекался. Колин бушлат казался ему сомнительным, и он вытянул руку, загораживая вход.

– Слушай, – сказал капитан, – мне одного тут вызвать надо. Прен его фамилия. Он у вас там сейчас сидит. Ты на мой наряд не смотри, я по делу. На минутку. Ну сходи, позови.

– Кто такой? – проговорил, наконец, охранник, неторопливо изучив Колину внешность и подумав.

– Ну говорю же, посетителя вашего надо вызвать. По делу. Прен его фамилия.

– Кто такой посетитель? – повторил охранник.

Долдон, подумал про охранника Коля, начиная злиться. Тупица.

– Он мой знакомый. Поговорить надо.

– Знакомый? – переспросил тупица, снова принимаясь разглядывать Колин рыболовный бушлат. – Прен?

– Прен. Можно еще Шписом звать. Ну хорошо. Начальник он мой. По делу надо.

Тяжело далось назвать Леву начальником, но пришлось. Однако охранник и на это не купился.

– Начальник? – все с тем же тупым выражением спросил он, уставясь на Колин бушлат.

– Ну чего ты смотришь?.. Я моряк, – не выдержал Елагин. – Только что с траулера. С сейнера. Селедку добывал. А он министр рыболовного... этого... хозяйства. Понял теперь? Ну иди, позови, хватит на меня пялиться. Очень надо. Иди!.. Ну!.. Скажи, капитан пришел.

Коля сказал это таким тоном, что тот, наконец, пошел. И тут же вернулся, жестом приглашая внутрь.

Лева сидел за столиком со своим вторым компаньоном, который по оптовым делам. Елагин видел его пару раз мельком в офисе. Тот похож был на профессора: очки, аккуратная седая бородка, большой живот. Важный, на вид гораздо старше Левы. Сейчас они оба, благодушно улыбаясь, разглядывали капитана.

– Садись, рассказывай, – пригласил Шпис, широким жестом указывая на свободный стул. – Как успехи?

Он отпил из фужера и повернулся к профессору, тыча в сторону капитана пальцем.

– Это отличный специалист, знаешь его?.. Нет?.. Ну, что ты. Настоящий следователь. Все, что надо, из-под земли добудет и разузнает.

Тот одобрительно кивнул, сделал покровительственную улыбку. Коля ненавидел такие моменты. Напомнить бы сейчас, откуда Лева его знает. Но вместо этого послушно сел. Официант, повинуясь Левиному жесту, принес еще один прибор, какие-то закуски.

– Выпьем, – предложил Шпис. – Не тушуйся, Колька. Вчера сверху был ты, сегодня – я. А завтра, может, вот он нас всех купит.

Лева упер палец в плечо профессора. Тот, не совсем понимая, о чем речь, продолжал одобрительно улыбаться. Поугрюмевший капитан поднял вместе со всеми свой фужер. Выпили. Вино было хорошим, дорогим, это сразу понял даже Елагин, слабо разбиравшийся в винах. Он встал, снял свой бушлат. Оставшись в рубашке, повесил его на спинку стула. Снова сел. Лева пристально наблюдал за его действиями.

– Маскировка? – спросил он, кивнув на бушлат. – Узнал что-нибудь?

Елагин утвердительно хмыкнул, пробуя вилокй оказавшееся перед ним что-то вроде салата. Он был голоден. Только сейчас это понял. С утра искал этого конюха, потом пиво, сушки... Не еда.

– Узнал. Только мне сейчас и от тебя кое-что узнать нужно.

Он замолчал и ел салат, специально, от досады на всё, затягивая паузу. Лева ждал.

– Вы, молодой человек, кажется, хотели полезной беседой разбавить наше застолье? – спросил, наконец, профессор, тоже подождав немного. – Так разбавляйте. Сейчас самый подходящий момент. Э... на Ялтинской встрече, в Крыму, был случай. Как вы помните, Сталин, Черчилль и Рузвельт затеяли там базар... кажется, в сорок четвертом... так вот, я слышал нравоучительную историю, случившуюся там как раз за обедом. У Сталина был переводчик, он тоже сидел за столом со всеми и готовился переводить. Но все молча ели, и переводчик, перед которым тоже стояло... э... мясное блюдо – а это, заметьте, было военное время, сами понимаете, чего тогда стоило мясное блюдо – так вот, переводчик долго терпел, а потом решил, что не будет лишним и ему использовать момент и...

Профессор сделал небольшую паузу и отпил вина. Лева слушал. Капитан жевал салат и тоже слушал.

– Словом, он наколол вилокй кусок мяса и сунул в рот. И в этот момент Сталин произнес тост. Ну... сами понимаете, что испытал при этом переводчик. Сталин!.. И кусок мяса во рту. Его ведь так просто не прожуеть, уж поверьте. Мы как-то на зоне пробовали на спор жевать хлеб на ходу, кто быстрее, и я понял, как это трудно... Впрочем, это не о том. Так вот, Сталин закончил говорить и смотрит на переводчика. Ждет. А тот старательно жует мясо. Что ему оставалось? Подавиться было бы еще глупей. Кусок оказался большим, говорить не представлялось возможным. И что было дальше, как вы думаете?

Профессор сделал паузу и, подняв брови, оглядел сидящих за столом.

– Переводчику неслыханно повезло. Сталин спросил: «Ты сюда что, жрать пришел?» А тот старательно жует, как будто и впрямь только за этим... По фарту, Черчиллю с Рузвельтом ситуация показалась комичной. Пока ждали – пошутили, поулыбались. Он дожевал мясо, перевел тост и стал ждать расстрела. Но Сталин его простил. Понизил, конечно, но простил. Больше этот переводчик со Сталиным не работал, но очень долго во время различных застолий не мог начать есть. Не шел кусок в рот. Сидел и смотрел. Понимаете, к чему я это рассказал? – Профессор, очень довольный собой, посмотрел на капитана. – Приятная беседа хорошо сочетается с приятной закуской. Но есть один маленький ключик, позволяющий создать гармонию из хаоса. Все хорошо вовремя!.. Вовремя поесть, но вовремя же и рассказать, зачем пришли. Вам понятно?..

Коля промокнул губы салфеткой, улыбнулся. Хороший салат, подумал он. Выходит, профессор тоже блатной. С зоной знаком. Логично. Левин друг.

– Ладно, – сказал он, взглянув на Лева. – Значит, можно излагать... прямо здесь? При всех?

Лева кивнул. Коля еще раз припомнил, что ему наговорили друзья в отделении. Куча мелочей, в основном от осведомителей с ипподрома, но что-то их связывало, какая-то общая нить. Внятных аргументов у него пока не было, не сложились еще. Одни только догадки. Но догадки очень серьезные. Очень и очень. Не зная, с чего начать, он попробовал наугад, чтобы посмотреть Левину реакцию.

– Хорошо. Есть один человек. Николай Симанский. Он гражданин Италии, родился уже в эмиграции. Живет по всему свету. Где работает, там и живет. Насколько я понял, он играет на скачках. Жучок. Сейчас он у нас. И уже два раза ходил на ипподром.

– В тототку? – не выдержав, изумился Лева. – В нашу тототку?

– Да.

– Не может быть, – покачал головой профессор. – Я и сам немного знаком с нашими возможностями, у меня есть знакомый жучок, и букмекеров наших знаю... Здесь не те суммы...

– Да подожди ты, – перебил его Лева, вдруг очень посерьезневший лицом. – Может, не играть он ходил.

– Я тоже так думаю, что за чем-то другим, – подтвердил капитан. – Но если хочешь, чтоб я на тебя работал... Ясно? Я должен знать, чем и для кого занимаюсь. А то дальше за лоха перед всеми окажусь. Как можно тебе помогать, если я не знаю толком, кто ты?.. Давай... выкладывай, из-за чего на самом деле проблемы. Есть они, есть, я понял уже. Тогда и я тебе помочь смогу.

Лева задумался.

– Хорошо, – сказал он и взглянул на профессора. – Выйди пока. Покури на улице.

И, поскольку тот замешкался, свирепо выкатил глаза:

– Ну ты не понял?..

Профессора сдуло. Капитан усмехнулся, но комментировать не стал. Не его это дело. Хоть он и работает на блатных, но в их отношения лучше не всматриваться.

– Ну и чего? – спросил Лева. – Чем мне этот итальянец угрожает?.. Почему я должен про него думать?

Капитан пожал плечами:

– А я не знаю. Сам удивляюсь, чего ты так на него упал. Тут дело не в нем. Точнее, не только в нем. Все, что про твоего Сороку... все на ипподром ведет. Или в другие конюшни. Ты вот это мне объясни, при чем тут...

– А Сорока-то что? – перебил Лева, мрачней. – Ты про него-то узнал?..

– А я не сказал разве? – притворно удивился капитан.

В это время к их столику подошел скрипач, тихо наигрывавший до этого в другом зале. Он обошел столик, поглядывая на замолчавших Лева с капитаном, наклонился к ним, покачиваясь в такт мелодии и прикрыв глаза.

– Иди отсюда! – яростно прохрипел Лева, сжав в кулак салфетку и не глядя на музыканта. – Иди на хрен!.. Не люблю я этого!..

Лицо его потемнело. Музыкант ретировался. Лева разжал кулак и перевел дыхание.

– Сорока убит, – сказал капитан будничным голосом. – Удавили сегодня утром. На ипподроме.

Лева неподвижно посидел некоторое время, затем еще более хрипло спросил:

– И ты мне так спокойно говоришь это?

– А как мне тебе это говорить?.. Если б ты сам не подозревал ничего такого, стал бы ты мне это поручать?.. Ты меня за лоха-то не держи, сказал ведь уже. Когда вы все по очереди в недельные запои валите, никто и не почешется вспомнить о вас. А тут два дня нет, так капитана скорей зовите.

Он помолчал и, поскольку Лева тоже ничего не говорил, продолжил:

– И это я бы тебе не стал выкладывать. Только вот что, по дружбе, какая бы она у нас с тобой ни была: это не всё. Поверь бывалому человеку. Кто-то держит против тебя. Что-то держит.

– Кто? Чего держит?

– Не знаю. Сегодня вечером у меня встреча... Если хочешь, чтоб я на нее пошел и продолжил этот интересный разговор, еще раз прошу: скажи толком, куда хоть смотреть-то. В какую сторону. А не хочешь – и не надо. Я свое сделал, тебя предупредил. Все честно. В дальнейшем я не виноват буду.

Мимо столика, наигрывая на скрипке, вновь прошел музыкант, уже торопливо и в обратном направлении. Лева мрачно посмотрел ему вслед. В зал заглянул профессор, увидел Левино лицо и снова исчез.

Елагин встал, снял со стула бушлат, сказал:

– Спасибо за компанию.

– Сядь, – показал пальцем на стул Лева. – Скажу... что можно.

Капитан сел обратно.

– Ты про Сороку откуда знаешь?.. Из ментовки?

– Оттуда тоже, – схитрил капитан.

– Значит, еще каналы есть?

– Есть.

Лева подумал.

– Ну, скажем, так. Я вложил деньги... в товар. Но оказалось стрёмно. А я не знал. Теперь его... товар, то есть... ну, вроде как ищут. А он мой, понимаешь ты?..

– Ну нет, – с сомнением сказал капитан. – Я в такое не полезу, делай что хочешь. Я не стрелок. Это ваши разборки...

– Полезешь, – перебил Лева. – Во-первых, я тебе заплачу за помощь... отдельно. Ты знаешь, я хорошую работу ценю, все честно будет. А во-вторых, это не разборки. Я все как надо сделал. Это там... у них, в Европе... там разборки.

– В Евро-опе?

– Ну а чего тебе Европа... там тоже люди. Торгуем.

Они помолчали, глядя друг на друга.

– Короче, так, – сказал Лева. – Сегодня... часов так в одиннадцать-двенадцать... приедь в офис. Я тебе дам всю информацию, против кого работать. Сейчас не могу. Товар не только мой, надо поговорить. Не делается так. А вечером я тебя и с людьми познакомлю. Полное доверие будет. Так пойдет?

– Пойдет, – сказал капитан, подумав.

Выходя из кафе, он увидел профессора. Тот мялся с сигаретой, будто в туалет в очереди стоял.

– Свободно, – сказал ему Коля, кивнув на двери, и пошел к трамвайной остановке.

2

Теперь надо было идти встречать брата, но Геник не спешил. Перематывал пленку и смотрел запись приза еще и еще раз. Только что показали, как будто специально к Васькиному приезду. В программе этого не было, он случайно обнаружил, переключая каналы, и успел записать на поставленный Васькой перед отъездом видеоклип. Конкур на приз Берлина. Выиграл Васька, на той самой лошади, о которой он столько говорил. По кличке Подарок. Повезло наконец. Раньше он не выигрывал ничего крупного.

Геник никогда не интересовался лошадьми. Велосипед – другое дело, а этих тварей он боялся. Всякие быки, коровы и лошади были для него атрибутом сельской жизни и между собой различались разве что тем, с какой стороны – сзади или спереди – надо их опасаться.

– Генка, иди машину поставь в гараж!.. – крикнул отец из прихожей.

Когда тот вошел, Геник и не заметил. Отец уже совсем старый стал, а за баранку все еще садится. Ездит, правда, так, что рядом сидеть страшно. Очки надевать не любит, а без очков видит плохо. Потому и едет прямо по белой линии, разделяющей ряды: так, говорит, понятнее. Один на своей «копейке» полдороги занимает. На него всей семьей ворчали, потом махнули рукой. Пусть его, лишь бы на разделительную полосу не выезжал. Едет-то он медленно. Хочется думать, что неопасно.

– Иди вон, смотри на видеоклипе. Васькин приз, – сказал в прихожую Геник.

– А!.. – победно крикнул отец. – Показали, все-таки, гады!..

– Да, случайно увидел. Гады прятали, но я нашел.

– Ты мне посмейся! – угрожающе крикнул отец, дороживший своей политической неприимостью.

Он вышел на улицу. Недавно прошел дождь, и теперь солнце блестело в свежих лужах. Осень была затяжной, ровной и теплой, но желтые деревья и эти яркие лужи не давали удерживаться летней иллюзии. Будут, будут скоро холода.

Зеленая «копейка» стояла метрах в тридцати от подъезда, на самом неудобном месте, перегородив въезд во двор. И уже какая-то машина показалась в подворотне, сразу начав сигналить.

– Сейчас, сейчас, – махнул Геник рукой, садясь за руль.

Отец игнорировал всё, даже место для парковки выбирал так, словно в морду хотел кому-то плюнуть. И в гараж сам никогда не ездил. Кидал машину недалеко от подъезда, словно пальто на руки расторопному швейцару. С вызовом. С тех пор, как рухнул Союз, он каждый день грозил и ругался. Всех расстрелять. Если бы Сталин в президенты баллотировался, его выбрали бы единогласно. И тогда бы всех гадов по очереди расстреляли.

Геник проехал переулок, повернул. Гараж находился в паре кварталов отсюда, во дворе. Он даже права обычно не брал, когда перегонял туда брошенную отцом машину: минутное дело.

Подъезжая к светофору, решил проверить тормоза. Только что включился красный, вокруг никого не было, асфальт влажный. Как раз что надо. Геник разогнался. Глянув в зеркальце заднего вида, заметил вывернувшую за ним следом большую серую машину, иномарку. Но она была еще далеко, и Геник ударил педаль. «Копейка» проползла несколько метров по инерции, немного развернувшись вправо. Ладно, подумал Геник, ничего еще. Сойдет. Отец так и не тормозит никогда. На педаль жмет плавно, резкой езды не любит. Не видит только ни черта.

В следующий момент раздался удар, «копейка» скакнула вперед метра на три и снова замерла. Геник на секунду отключился, а когда, тряхнув головой, начал снова соображать, раздался еще один удар и снова рывок вперед. Голова опять мотнулась назад, но сильная боль в шее не дала отключиться еще раз. Выругавшись, он потрогал затылок. Даже повернуть голову было больно. Поправив зеркальце заднего вида, Геник посмотрел. Сзади, уткнувшись в «копейку», стоял здоровенный серый «мерс». За ним виднелась еще одна иномарка, тоже большая. Темно-синяя. Оттуда слышался визг стартера, но машина не заводилась.

– Ч-черт... – пробормотал Геник.

Его «копейка» стояла уже на самом переходе, на белых полосках. Вокруг по-прежнему было безлюдно. Геник снова попытался двигать шеей, но боль не проходила. В зеркальце было видно, что из «мерседеса» вылез парень в открытой черной майке, обошел свою машину, посмотрел. Покачал головой. К нему подошли двое из задней машины, стали кричать, жестикулировать. Он тоже кричал, махал руками, тыча то в свою машину, то в ихнюю, то куда-то вперед, вдоль улицы. Затем все трое замолчали и уставились на Геникову «копейку».

– Ч-черт, – сказал он снова, по-прежнему сидя за рулем, наблюдая за происходящим в зеркальце, и вертя шеей.

Отдувался. Удар оказался ощутимым. Шея ныла все больше, да и голова тоже начала побаливать.

Все трое направились к нему, встали перед капотом «копейки». Парень в майке снова покачал головой. Покрутил у виска пальцем, показывая, какой Геник дурак. Тот, продолжая крутить шеей, вылез из машины, подошел. От парня отчетливо пахло водкой, даже когда он молчал.

– Чего ж вы, – спросил Геник, переходя на всякий случай в наступление, – в такую машину... это... выпив садитесь?..

– Это кто бухой? – повышенным тоном вдруг заговорил один из ехавших в задней машине. – Это я бухой?

– Да нет, – Геник показал на парня в майке. – Вот он, вроде.

Они все трое были упертого вида. Уставились на Геника одинаково агрессивно. Братки, вдруг подумал он, почему-то вспомнив яростные интонации отца. Вот они, матросики революционные.

– Ты чего тут паркуешься посреди всего? – спросил парень в майке, вылезший из «мерседеса». – Твою маму. Ты кто такой?!

– Да я не паркуюсь. Я на светофоре встал, – сказал Геник. – Где и положено. Не я же вас долбанул.

– Нет, ты нас долбанул, – еще больше повысил он голос. – Ты нас всех тут долбанул и еще, наверно, хочешь. Вон, слушай.

Не отрывая от Геника злобного взгляда, он показал рукой в сторону задней машины, откуда по-прежнему неслись звуки стартера.

– Мы теперь по делам не можем ехать. Из-за тебя. Это дорого будет стоять, – сказал третий, выглядевший из них самым солидным.

По крайней мере, он был в костюме. Растерявшийся Геник потому, наверно, к нему и обратился, подспудно выделив его из этой компании:

– Я на красный свет тормозил. А вы летите как на самолете. Чего не так?.. Я что, виноват?

– Где тут красный свет?

Браток в костюме показывал рукой на светофор. Там горел зеленый.

– Так это ж... Был-то красный!..

– Зеленый был, – объяснил костюмированный. – Я видел. Ты на своей лохани две крутые тачки остановил. Тебе это ясно?.. Ты не понял еще, во что попал?.. Ты в большую неприятность

попал. Пойми это резко. Теперь для тебя другая жизнь началась. На другой планете, вроде. Где все только платят, платят и платят.

Геник вернулся домой не скоро. Но вовремя, потому что Василий был уже здесь, и отец произносил сплошную длинную похвальную речь о советском спорте, который не весь еще истреблен, и вот, последние его представители все еще продолжают выигрывать. Мать накрыла на стол, все как положено, но Васька спешил. Он заехал, оказывается, на минутку, по дороге в конзавод. Алёна, жена, которая с ним вместе в Берлин ездила, сейчас к своим родителям заскочила, и он ждет ее звонка. Как позвонит – сразу едут в завод, а уж потом, оттуда, приедут как следует, на целую неделю.

В его делах все равно никто из семьи не понимал, поэтому, не пускаясь в рассуждения, заставили съесть что-то из специально приготовленного и выпить чаю. Васька был за рулем, пить не мог.

Уже от самой двери Геник отозвал его в комнату, на минутку, поговорить по делу. Спросил телефон его старого друга, бывшего афганца, Зуськова.

– Зачем тебе Зусёк? – удивился Васька.

Он был старше Геника, хотя внешне их можно было даже спутать на улице, и его друзья были только его друзьями, совсем не общими. Тем более Зусёк, парень крутой, занимавшийся охранными мероприятиями в одном из ветеранских обществ.

– Ну... попросить хочу. Надо там одно дело...

– Чего, говори? – спросил Васька, посерьезнев. – Лучше быстро излагай, все равно напряг уже.

Геник нервно вздохнул и рассказал все. «Копейка» стояла там, где его стукнули. Паспорт у него забрали. Сумму назвали такую, что он и повторять не хотел. Нереальная сумма.

Васька откинулся на диване и думал.

– Две тачки, серая и синяя? – спросил он наконец. – Странно. Я их видел. То ли их, то ли похожие. Несколько раз обгоняли. Прямо так, друг за другом...

– Ну ты идешь? – спросил отец, заглянув в комнату, и сразу убрался.

– Сейчас, подожди... – Василий задумчиво постукивал кулаком по дивану, покачивал ногой. – Нет, старичок, так я ехать не могу. Черт тебя дернул тормоза проверять.

– Да не в этом же дело!.. – почти заорал Геник. – Они так ехали...

– Заткнись, – перебил Васька. – Все это дело прошлое. Давай решим, как дальше быть.

Он помолчал еще немного и, наконец, принял решение:

– Ладно, рискнем. Делать нечего. Слушай. Поедешь сейчас с Алёнкой вместо меня...

– Ты чего! – усмехнулся Геник. – Куда это?..

– Заткнись, – перебил еще раз Василий таким тоном, что Геник дальше только слушал. – Ты, наверно, не понял еще, во что всех нас вляпал. Поэтому запоминай молча. Сейчас едешь в завод. Алёнке я позвоню, она тебе все объяснит по дороге, что от тебя потребуется. Меня там почти не знают, поэтому покажешься, помелькаешь, что, вроде, приехал... Ну, вроде, это не ты, а я. Понял?.. И сиди дома. Алёнка все остальное сама сделает. А я через день подъеду и все на место поставим.

Он порылся в большой спортивной сумке, стоящей возле дивана, и достал свой паспорт:

– Держи. Мы и на фото похоже получились. Я думаю, сойдешь. Это на всякий случай, если понадобится. Теперь ты – это я. А у меня права водительские... хватит пока. Ну и твой паспорт забрать постараюсь.

– Так, может, я здесь...

– Не сможешь ты здесь. Лучше постарайся, чтоб в заводе все нормально было. Мне эта работа нужна, не подведи уж.

Он посмотрел на Геника внимательно и улыбнулся. Через силу.

Васькина «шестерка» стояла у подъезда, а в переулке, за поворотом, остановился грузовик, какой-то не наш, крытый, на котором сзади была нарисована лошадиная морда.

Васька усадил Геника в кабину, рядом с водителем. Сзади, в кузове, еще кто-то был: Васька что-то сказал туда. И еще там иногда топала и вздыхала лошадь.

Объяснив водителю, где их будет ждать Алёна, Васька захлопнул дверь и еще раз улыбнулся, подняв руку.

– Один день. Может, два. Смотри, не подведи.

3

Через проходную капитана, и правда, пропустили, стоило ему назвать фамилию Мамтева. Значит, бутылка для него не мелочь, подумал он. Запомнил, предупредил.

Он шел мимо конюшен, с любопытством посматривая на шагавших в карусели рысаков. Прямо перед ним цокал по асфальту запряженный в качалку серый гигант, до самой конюшни Линько, в которой работал Мамтеев. Она была третьей по счету от проходной. Серый рысак поцокал дальше, а капитан свернул к конюшне, вошел в открытую створку ворот и попал в темноту после яркого света улицы. Пахло лошаадьми и влажной уборкой.

– Ну кто там еще? – нервно крикнул женский голос откуда-то из глубины помещения.

– Мамтеев нужен, – сказал капитан. – Николай.

– А-а, – поняла невидимая ему женщина и крикнула еще громче: – Мамтё-ов!.. К тебе!..

В коридоре, постепенно проступавшем во тьме по мере того, как привыкали к ней глаза капитана, застучали шаги.

– А!.. Пришел, – сказал Мамтеев, подходя. – Ну пошли, поговорим, раз пришел.

В комнатке, увешанной конской сбруей и уставленной ящиками, капитан достал припасенную бутылку, готовясь к разговору за стаканом, но Мамтеев сразу схватил ее и спрятал.

– Это вроде пропуска, – объяснил он, сделав озабоченный вид. – Входной билет. Ты, это... возражения есть?..

– Нет, нет, – даже обрадовался капитан, которому ясность ума в работе никогда еще не вредила. – Билет есть билет. Вот он был, и вот его уже нет. Контролер отобрал.

– Ну да... вроде, – согласился Мамтеев. – Так тебе чего, это, программку разметить?.. Давай сюда.

Елагин протянул ему только что купленную в кассе программку.

– Ну вот, – говорил Мамтеев, черкая в ней взятым со стола карандашом. – Я тебе пишу первое и второе место, понял?.. Иногда вторых два. Тогда, это, сыграть надо и так, и так. Разберешься?.. Несложно. Если что не совсем получится, так я, это, не виноват. Спорт, все же. Сам понимать должен.

Он внимательно, вглядываясь в клички лошадей и фамилии наездников и хмурясь, разметил программку до конца и вернул ее капитану.

– Держи. Заходи еще. Сам понимаешь, это... сидеть тут нельзя, строго у нас. Увидит кто...

– Да я понимаю, все нормально, – радостно говорил Елагин, всем видом показывая, как рад программке, которую свернул в трубочку и держал теперь двумя руками. – А мой друг-то, Салыгов, из Воронежа... помнишь, я у тебя про него спрашивал?

– Да нет тут такого, что ж я, первый день, что ли... это... Я весь ипподром знаю.

– Есть, есть, – перебил капитан, косясь на программку. – Может, ты не в курсе. Он недавно оформился сюда.

– И у кого же он, это, работает? – с сомнением спросил Мамтеев.

– А... не помню. Он мне говорил, да я...

– Ну допустим. Так чего этот твой друг?

– Взяли его. Менты. Только вот сегодня, сейчас узнал.

Мамтеев насторожился:

– Чего это он такое наделал?.. Тут, что ль? На ипподроме?

– Тут, – кивнул капитан. – Говорят, грохнули кого-то. Здесь, у вас. Вчера. А на него показали. Так его теперь менты у себя спасают.

– Спасают? – переспросил Мамтеев. – А, это... от кого?

– Да я сам не знаю ничего. Так только, случайно. Этот, кого грохнули, вроде, был завязанный на какие-то большие дела. Ну вот, теперь его друзья ищут, кто это сделал. Спросить хотят... я думаю, много и сильно. А менты спрятали Салыгова.

Капитан придумывал на ходу, стараясь вывести Мамтеева из равновесия. Что дальше, он и сам не знал. Как будто камнем о камень стучал, выбивая искру. Импровизировал, смотрел, может, где-то что-то проклюнется интересное. Вполне возможно, что Мамтеев действительно просто случайно находился в ближайшей конюшне в момент убийства. А может, и нет. В любом случае, это была единственная известная капитану зацепка, и он вслушивался в каждое его случайное слово, надеясь на чудо.

Осложнялось все тем, что откровенный разговор слевой должен был состояться поздно вечером, и Елагин знал пока что меньше всех. Это ему очень не нравилось. Не привык капитан беспрерывно блефовать. Опасался ляпнуть что-нибудь не то, попросту забыв, что говорил раньше. Поэтому, закинув Мамтееву мысль о мстительных друзьях, он улыбнулся, помахал в воздухе программкой и направился к выходу.

– Я к тебе и в следующий раз приду, – предупредил он.

– Стой, – сказал вдруг Мамтеев.

В этот момент заорал издали женский голос, тот самый, который его и позвал, когда капитан вошел в конюшню:

– Колька!.. Итить твою мать!.. Барракуда какая!.. Выводи на развязку своих, кузнец пришел!..

– Да шас, это!.. Подожди!.. Иду! – крикнул в ответ Мамтеев, приоткрыв дверь в конюшенный коридор.

От шума затопала и завертелась, взволнованно фыркая, лошадь в деннике.

– Не буду тебе мешать, – сказал капитан, еще раз подняв программку.

– Да подожди. – Мамтеев потер подбородок, заметно нервничая. – Говоришь, крутые?.. Они, это... и вправду будут спрашивать?.. А с кого?.. А ты-то откуда знаешь?..

– Колька! – снова крикнула женщина. – Кузнец ждет!..

– Чего тебя-то это так волнует?.. – спросил Елагин. – Не ты же убивал.

Инициатива в разговоре теперь перешла к нему. Мамтеев был проситель, ничего не знал и, похоже, боялся. Как бы там ни было на самом деле, но ведь его имя связано с происшествием. Было чего бояться.

– Колька-а, твою мать-то!.. – негодовала женщина. – Целый день кузнеца ждали, а теперь ты пропал!..

– Да не ори ты!.. – крикнул Мамтеев. – Шас иду, это... сказал же!

– Про такие дела молчать лучше, – сказал капитан.

Он снова подумал, что сказал достаточно. Напуганный больше, чем требуется, Мамтеев мог полезть выяснять в отделе кадров, где работает Салыгов. А то и в милиции у ипподромовских могли быть свои люди. Даже точно есть. Поэтому Елагин, сделав многозначительный вид и слегка подавшись вперед, к Мамтееву, повторил:

– Целее будешь, если молчать.

И протянул ему руку, которую тот пожал неохотно и вяло, погруженный, видимо, в разнообразные сомнения. У двери капитан остановился и сказал:

– Так перед следующими бегами я к тебе зайду. Да?.. С билетом. – Он показал руками высоту примерно бутылки. – Нормально так?..

– Тут народу... – сказал вдруг Мамтеев, принявшись, видимо, развивать беспокоившую его мысль, и показал рукой в сторону: – У нас в конюшне, там вон, в том крыле... стоял жеребец, это... спортивный. Конкурный. Рыжий такой. Потом на соревнования уехал, в Берлин. А тут прибежали, ходят по конюшне. Покупают его, или купили уже... Я, это, не слушал особо,

чего они там. То крыло свободно, там они и ходили, а сюда я не пускал, к рысакам. А потом этого хрена нашли, там вон...

Он снова махнул рукой в сторону. Капитан слушал очень внимательно, хотя вид сделал безразличный. Сработало. Выбил-таки конюха из равновесия. Захотелось поговорить. Ну давай, давай, говори.

– А теперь чего ж, это, я виноват окажусь? – спросил его Мамтеев.

– В чем виноват?

– Ну как... Нашли-то его здесь. Вон там вон, рядом, – показал он рукой. – Станут виноватого искать – я первый, вот он я.

– Чего нашли?.. А-а!.. Ты все об этом... – Капитан равнодушно махнул рукой. – Не бери в голову. Ты ни при чем, чего тебе-то?

– Если они крутые, так кто ж меня слушать станет... У крутых на это времени нет.

Капитана интересовало совсем другое. Поэтому он вдруг наморщил лоб, сосредоточенно постукал себя по нему пальцем и тоном великой догадки протянул:

– А-а-а!..

– Чего ты? – не понял Мамтеев.

– Подожди-ка, подожди... – капитан изобразил, что пытается вспомнить. – А я слышал, точно... Про вашего жеребца. Чемпионат в Берлине. Европы, да?.. Ну, точно! Жеребца вашего зовут Звонкий, а выступал на нем Толик Крюков, я ж его знаю...

– Да чего ты плетешь. Какой, это, еще чемпионат? Конкур какой-то, не первого ряда. Даже в Кубок не входит. Знаток, елки...

– Да нет, я не разбираюсь особо, просто наездника этого вашего знаю немного...

– Какого наездника... – протянул Мамтеев. – Кого ты зна-аешь?.. Жеребенка Подарок зовут, а прыгал на нем Васька Миков. Вон там, в манеже, это, тренировался, а стоял Подарок у нас тут, вон там. Микову его на передержку дали, сюда, в Москву, а так вообще у нас и спортсменов-то там нет. Как купили этих эберсвальдцев, так один бардак, елки. Рысаков будто мало. Теперь и грохнуть еще ни за что хотят.

Мамтеев снова огорчился.

– Колька, убью!.. – крикнула женщина в коридоре. – Вот просто возьму и убью на хрен, и никто меня не отговорит!..

– Вот чего тебе бояться надо, – улыбнулся Елагин, поднял приветственно программку и вышел.

Мамтеев огорченно кивнул ему вслед.

На улице капитан пошел в сторону проходной, похлопывая себя по колену программкой и демонстративно пялясь по сторонам. Отойдя от конюшни подальше, остановился закурить. Долго щелкал зажигалкой, вполголоса ругался, недовольно смотрел по сторонам. Потом принялся чиркать спичкой. Посторонился, пропуская нервно приплясывавшего и топавшего по асфальту гнедого коня в уздечке, но без седла, которого вел, держа повод коротко, у самого рта, совсем молодой паренек, и отошел за кусты, к оградке, за которой на свободе бегала еще какая-то лошадь. Постоял, посмотрел на нее.

Все это время боковым зрением он следил за воротами Линьковской конюшни. Так, на всякий случай. Не похож был Мамтеев на преступника. Но сколько раз уже такие непохожие оказывались связаны с целыми бандами, хотя сами ничего такого не делали, а иногда и не знали. Поэтому Елагин не спешил уйти с ипподрома, снова надеясь на случай. И, неожиданно для себя самого, дождался.

Отступив за кусты, где его трудно было заметить, капитал наблюдал, как из калитки вышел Мамтеев, быстро глянул по сторонам и торопливо направился в противоположную сторону. Затем свернул и скрылся в другой конюшне, на той стороне асфальтовой дорожки.

Пока Елагин размышлял, как быть, тот снова вышел, вдвоем с человеком в красной бейсболке, и они оба направились в сторону капитана. Снова свернули, по дорожке, и скрылись за корпусами конюшен. Елагин поспешил к этому повороту, но никого уже не увидел. Огляделся и пошел назад.

4

Настроение у Василия Микова было неважным. Совсем не таким, как представлял он себе еще утром, въезжая в Москву победителем пусть не самого крупного, но, все же, настоящего европейского конкурента. Это только отец бравые речи загибал про советский спорт, а на самом-то деле ничего наши там не показывали, уже очень давно. Миков и сам не ожидал такого результата. Надеялся, конечно, что Подарок покажет класс, но выиграть – нет. Не привык так думать.

Однако вот он, приз. Поехал в завод, там, в грузовике. В коневозке. У Генника в сумке. Отец его разглядывал, в руках вертел. Пошли с матерью провожать Генника к машине. Хорошо, тот без работы сейчас оказался. Сел и поехал.

Василий вздохнул. Удружил брат. Не хотелось про него плохо думать, но и хорошего тоже не думалось. Все время вот так... Умный малый, но влипает во все подряд, только успевай его вытаскивать. А значит, не такой уж и умный. Значит, пень, пень!..

Василий с удовольствием произнес это про себя, и, вроде, полегчало немного. Он сидел в кресле, ожидая звонка от Аленки, и мрачно смотрел в окно, на желтеющие березовые ветки, чиркающие по стеклу даже от легкого ветерка. Он объяснил жене все, попросил, чтоб не очень на Генника злилась. Теперь ждал от нее звонка. Она должна была сообщить, когда в коневозку сядет.

Наконец, телефон зазвонил. Но это была не Аленка. Мужской голос, показавшийся Микову низким, возможно, потому, что тот ожидал услышать жену, произнес:

– Гена?..

– Да, – ответил Василий, слегка запнувшись.

– Это говорит человек, который может вам помочь в вашей беде. Вы готовы со мной встретиться?..

– Какой беде? – не понял Василий, которому первым делом пришло на ум, что брат, может, и еще что-нибудь отколол.

– Нам лучше встретиться, – настаивал странный голос. – Могу только намекнуть, что сами по себе две машины, которые вы сегодня протаранили, это сущий пустяк... мелочь по сравнению с тем делом, которому авария помешала. И ответственность за это лежит на вас, мой друг. Это ли не беда?..

– Слышь, ты... – сказал Миков, напряженно соображая, стоит ли вообще говорить с этим витиеватым болтуном, который, судя по всему, представляет еще какую-то третью заинтересованную сторону. – Если ты...

– Вы, – перебил голос. – Я и старше вас, и для этого мира представляю ценность гораздо большую, чем вы, Геннадий. И не только в денежном эквиваленте. А с вами, заметьте, говорю на «вы».

– Пожалста. Вы сами знаете, что ничего он... ничего я не таранил.

– Я предлагаю встречу и разговор. Да или нет?..

– Нет, – сказал Миков.

– Подумайте.

– Подумал.

– Я еще позвоню.

В трубке раздались гудки, и Миков сразу пожалел, что не спросил, откуда этот тип звонит. Ну хоть как-нибудь, хитростью. Что, вроде, перезвонит ему. Односторонняя связь – это всегда зависимость.

Василий положил прерывисто гудящую трубку на стол, не разъединяя. Один раз Зуськов при нем вот так же, не вешая трубку, с другого аппарата связался с кем-то и спросил, откуда был звонок. Ему тогда сказали, почти сразу. Вот только куда он звонил?.. Небось, места знает.

Василий вытащил сотовый, набрал номер.

– Ну?.. – крикнул голос Зуська сквозь сильный шум, похожий не то на рев мотора, не то еще неизвестно на какой рев.

– Это я, Васька, – сказал Миков.

– Что?.. – заорал Зусёк. – Кто?..

– Васька!..

– Ну, допустим. Ходи. Громче только!..

– Слышь, Зусёк!.. – повысил голос Василий. – Поговорить надо!..

– Ходи, я слушаю!

– Как номер узнать, откуда тебе звонят?.. Ты как-то делал, я помню...

– Что?..

– Номер определить надо!.. Телефонный!..

– Определитель поставь!

– Да какой определитель!.. Уже звонили, вот сейчас!.. Без определителя!.. А мне надо...

– Не могу сейчас!.. Давай вечером!..

– Да сейчас надо! – крикнул Миков. – Я трубку не вешал, что дальше делать?.. Как номер определить?..

– Что? – орал сквозь скрежет и завывания голос Зуська. – Что?.. Громче!..

– Ладно, – сдался Василий. – Давай вечером. Я позвоню. И так собирался, дело есть.

У Геника неприятности. Поможешь?.. Очень нужно.

– Что?.. Кто?.. – орал Зусёк. – Громче!.. Я на полигоне!.. Не слышно!..

Миков нажал на кнопку и сунул сотовый в карман. Положил трубку. И сразу же раздался звонок.

– Ну? – спросил Миков, невольно подражая Зуську.

– Это ты, Вась?.. – спросила Аленка.

– Да, я! – обрадовался он.

– А чего нукаешь мрачно так? Еще чего-нибудь случилось?

– Нормально все. Ты где? В машине?

– Да, едем уже.

– Ты Геника подготовь там...

– Да работаю уже твоего Геника. Балбес он.

В трубке было слышно, как брат недовольно забубнил что-то поблизости.

– Он хуже, – согласился Василий. – А почему балбес?..

– Я ему объясняю, как из себя старшего тренера изображать, а он чуть из кабины не выпрыгнул. Бойтся.

– Бойтся? Дай ему трубку... Генка! – крикнул он, когда брат взял телефон. – Ты чего, не понял? Сам же виноват во всем, так теперь уж хоть делай, что говорят. Денек побудешь за меня, ходи важный, кивай, не рассуждай... Ну, Аленка все остальное сделает. Главное, особо не рисуйся там, чтоб, ну... на жесткий диск им не попасть. Я имею в виду, чтоб не слишком тебя запомнили. Вроде так, похож, но издалека. Понял? А то меня потом не признают. Дай Алёнке трубку... Алён!.. Ты, слышь, не думай, что он там во всем за меня будет... Поняла? Только тренер. Смотри, не доводи, ну... до братоубийства.

Она засмеялась.

– Да уж Геник-то...

– А чего Геник?.. Привыкнет там за старшего тренера... войдет во вкус. Так потом вместе меня и не пустите. Скажете, самозванец.

– Почему самозванец? Будешь брат старшего тренера.

– Ну ладно... Хоть на улицу не выкинете. Как там рыжий? – спросил Миков. – В порядке?

– В полном. Стоит, уши развесил. Молодец. Я заглянула, а там конюх у него под ногами спит, а этот на него косится и к стенке жметя. Боится наступить. Аристократ, вежливый...

– Вот я ему посплю там под ногами, – пообещал Миков. – На ком я в Берлине прыгал, на конюхе, что ли?.. Пусть не забывается. Его дело убирать, а не под ногами расслабляться.

– Сказала уже.

Они чуть помолчали.

– Ты... ну... – сказал Василий, сам не зная почему. – Если вдруг увидишь, что машины какие-нибудь крутятся, как те две... помнишь?.. Сразу мне звони, поняла?

– А что такое? – насторожилась Аленка.

– Ничего... Не знаю. На всякий случай говорю.

Они снова помолчали.

– Ладно, – сказала Аленка.

Миков положил трубку и подождал немного. Ему почему-то казалось, что сейчас перезвонит тот, с низким голосом. Но телефон молчал. Вот сколько отца просил, подумал он, чтоб определитель поставить... Нет, не хочет. Говорит, не по-советски это. Ему прятаться не от кого. Да и партия так не делала. Теперь вот из-за него, принципиального, и думай, кто это мог звонить. Ох, достали, достали, подумал Миков. Каждый по-своему, как специально договорились.

Дело в том, что с самого начала смутное подозрение не оставляло его. Какие-то неслучайные эти машины. Предположить, в чем тут дело, было невозможно, но и на совпадение не похоже. Серый «мерседес» и темно-синий «форд» добрую сотню километров сопровождали их по шоссе. Тащились за медлительной коневозкой, словно чего-то хотели от них. Но движение по трассе всю сотню километров было интенсивным, и тогда, наблюдая за этими машинами, Миков подумал, что, может, они поэтому не решаются обогнать их и остановить. Почему-то ему так показалось.

Но зачем?.. На коневозке ясно нарисовано, кого везут. За дорогу они еще возле границы заплатили, чтоб не трогали. А машины явно преследовали их, ошибиться было невозможно.

И тут вдруг зазвонил телефон. Еще один незнакомый голос, но явно не тот, который только что уговаривал встретиться, спросил:

– Можно поговорить с Василием?

Миков долго молчал, не зная, как поступить, и, наконец, решился:

– Слушаю.

– На Тверской, у памятника Пушкину, – быстро произнес человек на том конце провода. – Я вас буду ждать там ровно в восемь. Запомните. И обязательно приезжайте. Речь идет о Подарке, это очень важно. Я к вам подойду сам. Все остальное скажу на месте.

– А почему я должен... – не понял Миков. – Что за дела?.. Это вы сейчас звонили?..

Тогда звонивший, представившись частным сыскным агентом, наговорил каких-то непонятных и одновременно убедительных слов, где фигурировал и Подарок, и Сорока, предприниматель, обеспечивавший содержание Подарка на ипподроме, и даже Мамтеев, конюх из той же конюшни. Сороку, по крайней мере, Миков знал хорошо. При этом все сказанное переплеталось с поездкой в конзавод. После всего голос сказал, что нет, сейчас звонил не он, а кто-то другой. И еще раз повторил, что обязательно ждет его на Пушкинской.

– Да пошел ты... – запоздало отреагировал Миков, но вместо голоса уже звучали короткие гудки.

Хлопнув трубку на место, он яростно выругался. Шас, как же. Так вот и поехал на Пушкинскую. Вечером с Зуськом предстоит разговор. Крыша нужна, чтоб аварию с этими ребятами обсудить. Из-за чего он и в завод не поехал. Но тут уж ничего не поделаешь. С Зуськом договариваться – это не Геник нужен. А тут еще Пушкинская. Вечер-то уж скоро...

Он посмотрел на часы. Вздыхнул. Времени полно. Может, съездить?.. А то слишком много непонятого происходит.

Почему-то этот короткий звонок прочно засел в уме. Человек упомянул Подарка, да и говорил он как-то... вызывая доверие, что ли. Похоже, знает, что делает.

И Василий, привыкший за годы в спорте действовать решительно, неожиданно для себя самого решил поехать на Пушкинскую.

5

Узнать телефон Микова было делом техники и дружеских связей. Набрал номер сразу, на всякий случай. Повезло: тот оказался дома. Капитан постарался, наговорил всего побольше. Просил приехать на Пушкинскую в восемь. Ну, не приедет – тогда придется к нему домой заявиться, чего капитан очень не любил, причем все годы работы. Либо к себе, либо на нейтральной территории. Ну, на работе еще можно. Но у незнакомого человека дома он терялся и упускал нить разговора. Устав бороться с этим явлением, Елагин отнес его к личным слабостям и старался по вопросам следствия ни к кому домой не ходить.

Потом он зашел в Левин офис, так, на всякий случай, просто поблизости оказался. Того все еще не было, а секретарша снова тянула резину, строила глазки, наговорила всяких подковырок, прежде чем созналась, что Лева не звонил. Елагин даже не разозлился. Уникальная дама, отдельное явление.

А выйдя из офиса, замер нутром. Хотя тут же взял себя в руки, и даже посмотрел в другую сторону. Дело в том, что прямо на него, по тому же тротуару, шел человек в красной бейсболке, с которым говорил Мамтеев там, на ипподроме. Капитан, правда, видел его тогда издали и лица не разобрал, но ошибиться сейчас не мог. Походка, сложение... никогда на память не жаловался. Он, точно он.

Елагин, еще раз боковым зрением ухватив яркую бейсболку, неторопливо направился прочь. Ветер дул удобный, куда надо. Сунув в рот сигарету и вытащив спички, Коля повернулся в ту сторону, где только что видел человека в бейсболке, прикрывая спиной коробок от ветра, и безуспешно чиркнул несколько раз, ломая спички и наблюдая за улицей.

Красной бейсболки не было. Пропала. Куда?.. Снял?.. Вряд ли. Несколько прохожих поблизости не похожи на него. Были тут, конечно, всякие подъезды и даже подворотня чуть дальше, но это если только бегом, да и то постараться надо. Значит, офис. В это не верилось, однако и во все остальное тоже. Только в Левин офис мог зайти этот тип, больше некуда. И, еще раз окинув улицу взглядом, капитан поспешил обратно.

Но ничего не узнал. Проверил все, даже в туалет зашел. Нет, никто не заходил. Ни секретарша, ни еще двое сотрудников, сидевшие в соседней комнате за компьютерами – никто ничего не видел. Ругаясь про себя, он снова вышел на улицу. Теперь уж никаких бейсболок видно не было. Упустил, подумал капитан. Или нет?.. Его не покидало ощущение, что тут что-то не так. Как будто чего-то он недопонял или недосмотрел вот только сейчас. Недоувидел. Может, проходной двор какой-нибудь?.. За подъездной дверью. Запросто может быть.

Елагин медленно пошел по улице в сторону, где видел человека в бейсболке. Прошел один подъезд, другой. Куда-то ведь он делся?.. Капитан слегка нажал на ручку двери. Та уступила. Быстро глянув по сторонам – рядом никого – он толкнул ее, и с обычным видом, будто домой направляется, вошел внутрь.

Все дальнейшее промелькнуло клубком причудливых видений, быстро и независимо от воли капитана менявших друг друга. Прохлада и гулкая тишина темного подъезда, и тут же тяжелый тупой удар по голове. Грязный пол, куда-то тащат. Потом вкус водки. Елагин морщился, кривился, пытаясь увернуться, но водка лилась отовсюду, текла за ворот, наполняла рот и приходилось глотать, чтобы не захлебнуться. Потом снова провал.

Затем он открыл глаза на грязном асфальте, прямо щекой на нем лежал. Это было отвратительно и больно, потому что его волокли по этому асфальту, и он глаза закрыл. Затем был газон, мягкий и прохладный. Вот это другое дело, подумал Елагин и тут же, постепенно, к нему стало возвращаться сознание. Он покосился куда получалось. Поднял голову. И сразу увидел идущих к нему двух людей. Ноги их увидел. А лежал он на траве, рядом с клумбой, посреди

аккуратного зеленого газона. Во дворе, заставленном по периметру машинами. В самом его центре.

И шли к нему – даже уже подошли, вот они, тут – два молодых милиционера.

Хорошо, подумал Елагин, не придя еще в себя. Свои. Они подхватили его под руки, поставили на ноги. Капитан заметил вдруг, что рубашка его расстегнута и перепачкана грязью, а ботинки вообще не его, похоже, что с помойки, и облит он какой-то дрянью... а может, в луже вывалян. Он потянулся к голове, в которой тяжело пульсировала боль, но милиционеры встряхнули его, отчего он даже замычал и чуть не потерял сознание. Боль была теперь нестерпимой.

– Стой, – сказал тот, что справа. – Не спи.

– Да я... – начал было капитан, подбирая слова, но тот, что слева, перебил:

– Зачем окно-то разбил?.. Платить ведь придется.

Мысли давались сейчас тяжело, поэтому Коля замолчал и посмотрел сначала на одного, потом на другого. И поймал себя на том, что выглядит точно как классический алкаш. Бесплезно даже объяснять. Вид говорил сам за себя. И водкой разило наповал, даже сам чувствовал. Раньше запер бы такого отсыпаться в укромном месте, а бормотание не стал бы и слушать.

Пока его вели через двор, он успел только порадоваться, что документы с собой не взял. Не хватало еще такой славы. Бывший спился, все понятно... Но кто же это сделал, думал капитан, приходя в себя с каждым шагом. И зачем?.. Хорошо, что вообще не пристукнули. Однако, раз так, то он что-то нашел, нашел... Правда, сам не знает, что... но – нашел.

– Эй, ребята, – сказал он, вспомнив, что здесь, в двух шагах, Левин офис. – Вы меня не волоките так, позорно ведь. Я сам пойду.

– Проснулся?.. – спросил милиционер справа, продолжая крепко держать его под руку.

– Да ну пусти же ты, вот ведь!.. – Капитан попробовал вырваться, но его снова тряхнули, отчего он сморщился и зашипел. – Зарраза...

– Щас зубы почистим, раз проснулся, – сказал кто-то из них. – Если рот еще раз откроешь.

– Да ладно тебе!.. Вы бы лучше... – начал еще раз Елагин, не в силах так вот сразу сдаться.

– И уши тоже, – перебил его второй. – Если не слышишь.

В общем-то, на милиционеров он не сердился: те делали свою работу. Видно, позвонил кто-то, сказал, что алкаш во дворе буянит, окно разбил. Ну, они приехали. Все нормально. Эх, знать бы, кто позвонил, подумал капитан. Вот тогда бы он быстро понял, что тут такое творится.

Он сидел в «УАЗике», позорно запертый. Никогда еще так не ездил. В кузове таких «УАЗов» – было: стрелять, на захват, еще в молодости. Но не запертым же. Обидно даже.

Привезли. Куда – не понял поначалу, очень уж голова болела, и от удара, и, видимо, от водки. Кто их знает, сколько проглотить пришлось. Выбравшись из машины, морщась и хромая, капитан огляделся. Ага, вот куда. Вытрезвитель. Этого еще не хватало. Первой мыслью было объяснить, что он не пьяный, что все это не так, но после пары шагов его так повело, что чуть не упал. Кто его знает, какой дрянью накачали, подумал Елагин сквозь мутную пелену в сознании. Был бы пьяный – точно полез бы объясняться. Но он был трезв, и понимал, что ничего не докажет, только насторожит работников. Сам, сам же прекрасно все это знал, как бывает. Только с другой стороны, с той, милицейской.

Вот как отливаются алкашеские слезки, подумал капитан, и вдруг буквально остолбенел. Сквозь приоткрытую воротину он увидел Левину секретаршу. Она стояла там, на улице, и, жестикулируя, объясняла что-то милиционеру. Тот стоял к Елагину спиной, а секретарша – лицом. В следующий момент воротина скрыла ее, но капитан заметил, с каким упорством она говорила. Будто настаивала на чем-то, или доказывала.

Вывод был один: это ее работа. Хотя поверить давалось с трудом. Затем капитан оказался в большом зале, заставленном койками с клеенкой вместо простыни, а потом и на койке. После этого от него отстали, и он, только коснувшись тощей подушки, вырубился, будто ток отключили.

Сколько лежал – неизвестно. Очнулся на спине, поперек койки. Свесился до пола, чуть пополам не сломался. За окном было светло. То ли этот день, то ли другой уже. А может, вообще пять минут прошло. Лежал он в одних трусах, босиком. Так не сбежишь.

Решив встать, капитан заглянул под койку в поисках тапочек и покачал головой. Когда-то смеялся над такими рассказами. Ох, отливаются чьи-то слезки, подумал он и зашлепал к двери. Она была заперта. Капитан постучал, огляделся. Половина коек свободна, на остальных лежат, валяются... Он снова постучал, уже сильнее. Никакой реакции. Он замолотил кулаком по двери, крикнул:

– Откройте!..

Снова огляделся – на окнах решетки, кругом такие хари... Закатали его, закатали, как в банку, с этими вот... Капитан замолотил кулаками по двери, заорал в щель:

– Да открывайте же!.. Я по ошибке тут!.. Откройте, объясню сейчас!..

Дверь неожиданно и впрямь открылась, но вместо готового обсудить все проблемы милиционера оттуда стремительно выскочил лишь чей-то кулак, очень большой, и попал капитану в нос. Тот, теряя равновесие, шагнул назад, налетел на койку и грохнулся навзничь, на какого-то панически закричавшего человека. Пока они выбирались друг из-под друга, тот продолжал кричать. Будто убивают. Видно, еще не проспался.

Оттолкнув крикуна, Елагин снова направился к двери. Но повело, шагнул в сторону, сел на койку. Снова лег на спину. И вспомнил секретаршу. Выходит, вот кто делает дела... Теперь ему смутно вспоминалось, что видел ее в окне... там, во дворе, когда вели к машине. Туда выходят окна Левиного офиса. Значит, точно, она. Только для кого старается?

Елагин задумался. Получалась такая картина: либо его очень хотят подставить в какую-то историю, либо именно сейчас... тут он даже сел не койке, до того очевидной показалась ему догадка... именно сейчас его надо держать взаперти, а потом выпустить. Значит, чего-то от него хотят. Подтвердить эту мысль он ничем не мог, но она казалась очевидной. А значит, выход один: делать то, от чего его стараются удержать, потому что это и есть самое важное.

Ничего другого придумать не удавалось. Решив не терять время, капитан снова встал, тем более, что отсюда и без того хотелось выбраться поскорей. Здоровый рефлекс уже не давал подойти к двери. Он огляделся и направился к сидевшему на ближней койке понурому голому человеку.

– Давай заорем, – сказал ему капитан. – Тогда нас выпустят.

– Нас никогда не выпустят, – меланхолически возразил человек.

– Я точно знаю, – убеждал Елагин. – Я сам... они придут, если заорать.

– Ты чего пил? – спросил человек.

– Водку, – ответил капитан, вспомнив льющуюся на лицо теплую вонючую жидкость.

Человек подавил рвотный рефлекс, осторожно вздохнул и сказал:

– Ну, давай.

И они протяжно завопили, отчего несколько человек на соседних койках подняв головы, бессмысленно уставились на них.

– Давай, давай, – уговаривал их капитан, показывая руками, чтоб присоединились. – Кричать надо!..

Постепенно один из проснувшихся, за ним еще и еще, по очереди заглянув под койки в поисках тапочек, присоединились к хору. Теперь звучание было нешуточным. Как сильно пьяный грузинский хор. Даже красиво. Давайте, давайте, ребята, думал Елагин, сейчас загля-

нут, что тут у них творится. Эх, видел бы это сейчас кто из тех... из прежних сослуживцев, или хоть Лева. Вот бы фотография на память была. Капитан, косясь на орущих вокруг непроспавшихся, голых и лохматых мужчин на койках, готов был бы засмеяться, если бы силы на это нашлись.

Дверь открылась, и капитан сразу замолчал и лег. Остальные продолжали орать еще некоторое время, потом по одному затихли. Полный милиционер в накинутом белом халате прошел между коек, вглядываясь в лежащих.

– Поём? – спросил он. – Хорошо стало? Ну-ка, съешь витаминку.

И сунул в нос одному из лежащих ватку. Тот отмахивался и бормотал. В комнате запахло нашатырем. Посмотрев на него еще раз, попристальней, капитан даже пристукнул кулаком по краю койки: повезло.

– Не помогает витаминка? – огорчился тем временем полный. – Ах ты, ёксель-моксель.

Капитан продолжал смотреть на него, подняв голову. Полный подошел, сунул нашатырь. Елагин сморщился и сел на кровати.

– Ёксель-моксель, – сказал он милиционеру, улыбнулся и ткнул пальцем в его большой живот. – Попсуй-дроссель.

Тот всмотрелся и тоже сел, только на другую койку, рядом, прямо на спящего там человека. Тот замычал. Полный покосился назад и чуть подвинулся.

– Колька! – сказал он недоверчиво, вновь переводя взгляд на капитана, и помотал отрицательно головой: – Не-е... нет, не ты.

– Слушай, Малинин, – Елагин подался к нему и быстро проговорил: – Ты ж меня знаешь, поэтому слушай и врубись во все. Меня подставили. Я на операции, документов нет. Мне надо вылезти отсюда, быстро. Кто-то у вас тут, может, этого не хочет. Поэтому помоги, тихо, сам, никому ни слова. Ну?.. Поможешь?..

– Так... э... ёксель-моксель, – сказал Малинин.

– Ну что «моксель»?.. Ты на меня посмотри: пьяный?.. А-а!.. Говорю же, дело серьезное. Не можешь – смотри потом... Тогда на меня не обижайся. Я злопамятный, ты ведь знаешь.

Это подействовало. Малинин словно очнулся, потер лоб и сказал:

– Ладно... раз так – ладно. Ты меня тоже пойми. Служба ведь. Как я могу?..

– Не тяни резину, время дорого. Когда меня сюда привезли?..

– Так... всех недавно. Час, может... Два.

– Дай вылезти через какой-нибудь служебный выход. Форму, что ли, принеси. Если есть. Или что угодно, надеть.

– А твои документы... одежда. А?..

– Какая одежда, – прошипел Елагин, слыша в коридоре еще чьи-то шаги. – Говорю же, принеси что-нибудь. Быстро думай, быстро делай. Как сможешь, так и выведи отсюда. Давай, пошел.

И он снова улегся, продолжая пристально смотреть на Малинина. Тот встал, направился к двери. Взяв за плечо подошедшего молодого, развернул его и вытолкнул обратно в коридор. Дверь закрылась.

Оставалось ждать. Сработает, или нет – неизвестно. Малинина Елагин знал не очень хорошо, но выбирать не приходилось. Оставалось надеяться, что тот про увольнение не в курсе, а справки наводит не догадается. Капитан лежал, сжимая кулаки, и нервно вздыхал.

Когда он уже решил, что надо искать другой способ, дверь открылась и Малинин, мигнув ему, показал рукой:

– Вот ты. На выход.

Зашевелились сразу несколько человек, но он прикрикнул:

– Э, не, лежать!.. А то сейчас... витаминку.

– Да я не пьяный, – смурным голосом заговорил кто-то, пока Елагин шлепал по холодному полу к двери.

– Ну вот, ёксель-моксель, – огорчился Малинин, пропуская капитана в коридор. – А где ты тут пьяных видел?.. Тут выт-рез-ви-тель. Все трезвые, значит. Так что ложись и поспи.

Проведя Елагина каким-то узким коридором, он заставил его пролезть между разбитыми досками какой-то перегородки, потом, проведя через несколько комнат, заставленных заляпанными краской козлами, пустыми ведрами, корытами с засохшим раствором, заваленными всяким прочим строительным хламом, отодвинул лист фанеры, закрывавшей еще одну дыру в стене, и выбрался в такой же заброшенный и пустой короткий коридор, куда выходили двери еще одной комнаты. Затем, подойдя к приоткрытому окну, выходящему в тихий переулок, остановился и сунул ему свернутую в комок одежду:

– На, и поскорей... А то вы тут поштучно записаны. Как про тебя потом отчитываться?.. В сортире смыло?

Быстро одевшись во что-то более или менее по размеру, капитан хлопнул Малинина по плечу и уже полез в окно, когда краем глаза заметил вдруг в темной комнатухе справа, за приоткрытой дверью, какой-то странный предмет

– Ну!.. – торопил Малинин. – Ну!.. Давай!.. У нас тут спецвыход. Не один я им пользуюсь, даже, вон, машина кого-то из наших стоит. Быстрей, не подводи.

Капитан помедлил. Не его дело, не его... бежать надо. И доверился интуиции, подошел к двери, толкнул ногой. Там кто-то лежал. Он шагнул внутрь, нагнулся. Женщина. Осторожно ладонью повернул голову лежащей. Расправил светлые волосы, спутанные на лице, нащупал пульс на шее. Ах ты... ёксель-моксель, подумал он. А ведь думал, что это она его сюда уpekла. Выходит, наоборот... увидела, поехала выручать... так, что ли?.. Нервно глотнув, повернулся к Малинину.

Тот стоял совершенно ошалевший, уставясь на него широко раскрытыми маленькими глазками.

– Понял теперь? – спросил капитан. – Я на ФСБ работаю. Если с ней что случится – лично ответишь.

– Да я... неужели, – закивал Малинин. – Я и сам так же.

– Действуй. Быстро вызывай «Скорую». Скоро приеду, будем у вас тут копать, что это все такое значит... Ну, вперед!..

Малинин побежал по коридору, а капитан, спрыгнув с подоконника на тротуар, быстро пошел прочь.

6

Ну и денек выдался. В восемь вечера Елагин стоял на Пушкинской, наглотавшись анальгина и разжевывая целую пачку мятной резинки, и гадал, как выглядит Миков. Самому интересно было, с какого раза угадает. Вышло с первого. Среднего роста парень. Ну, не такой уж и парень. Лет тридцать. Лицо обычное, приятное даже. Капитан не знал, как должен выглядеть конник, но этот был похож. Непонятно, чем и как, но вот конник, точно.

Подойдя и поздоровавшись, капитан представился частным сыскным агентом. Он уже устал притворяться, да с Миковым это было и проще. Всего-то пара вопросов. Тот подождал, не предъявит ли капитан хоть какое удостоверение, но тот сохранял на лице такую невозмутимость, что спрашивать Миков не решился.

– С вашим конем связана одна неприятность, – начал Елагин. – Вы в курсе?

Миков пожал плечами, вопросительно глядя на него, и тот продолжил:

– Человека убили возле конюшни на ипподроме...

– У Линькова? – сразу перебил Миков.

– Да.

– Кого? – спросил тот, помолчав.

– Сороку.

Миков провел по лицу ладонью, покачал головой. Не привык такие вещи слышать, подумал капитан.

– Приехали давно? – спросил он.

– Да вот, сегодня. Несколько часов. – Миков посмотрел на Елагина и удивленно добавил: – Если вы... вы что, думаете, что я?.. Да у меня, вон... и документы, и свидетели...

– Нет, нет, – слегка даже улыбнулся капитан. – У меня совсем другие вопросы. Кому принадлежит Подарок?

– Ну... заводу. Или, вроде, там акционерное общество какое-то организовали. Может, ему, – ответил Миков, все еще нервно покачивая головой. – Но фактически все это там, в заводе, поэтому я в такие детали не лезу... какая там форма собственности, или еще что. Я вот, как раз, только с Сорокой на эти темы и говорил. Он, как бы, представитель владельца. А его... прям убили?.. За что?..

– Я попытаюсь вам это объяснить по ходу разговора, – уклончиво сказал Елагин, не знавший, что ответить. – А вот это акционерное общество... много ему лошадей принадлежит?

Капитан не слишком разбирался в заводских делах, поэтому спрашивал наугад, следуя тому же принципу, что и обычно: побольше услышать, а потом уж выделить из этого что поважней.

– Одна, – ответил Миков.

– Одна-а? – удивился Елагин. – Это сколько ж... сколько она стоит?.. Или это общество такое небогатое? А что за лошадь?.. А, ну да. Вот эта самая и есть?

Миков кивнул. Видно было, что говорить ему не хочется. Он так и спросил:

– Ну, чего вы, собственно, меня сюда вызвали?

Елагину вдруг пришло в голову, что, если этот спортсмен и впрямь был бы совсем ни при чем, то не приехал бы он сюда. Ну с какой стати?.. Потребовал бы кучу объяснений, а потом послал. И был бы прав.

Поэтому капитан задумчиво посмотрел на Микова: вот еще одна загадка. Впрочем, чем больше непонятого тумана, тем быстрее он потом рассеивается. Бывает, что и вообще без следа. Хорошо, если хоть что-то останется по существу.

И тогда он решил снова блефовать, потому что по-прежнему не оставалось ничего другого. Как любой следователь, он знал одновременно и больше, и меньше всех. Пугнув Мамте-

ева, он узнал про Микова. Теперь настало время пугать и его. Самая сильная привязка Микова в этом деле – лошадь. Все остальное он может проигнорировать, но лошадь – его работа. Тут уж никуда не денешься. Мысленно найдя себе оправдание, что действует в интересах пусть и нелегального, но, все же, раскрытия преступления, Елагин сказал:

– Есть опасность... для всех, кто связан с этой лошадью. По крайней мере, сейчас. Больше вам сказать не могу, но, возможно, убийство Сороки связано тоже с ней. Поэтому я вас сюда и вызвал... пригласил. Если что-то странное заметите, будьте осторожны. Особенно, повторяю, важны все странности, связанные с лошадью. Запоминайте, наблюдайте, только осторожно. Это в ваших интересах, повторяю. Я вам...

– В общем-то да... – перебил его Миков, сразу как-то нахмурившийся, когда капитан заговорил о лошади, и тот даже подался вперед, вслушиваясь. – Есть странность одна... Только не знаю, наверно, ерунда какая-то.

– Да вы говорите, говорите, – подбадривал Елагин.

– Наверно, это несущественно. Просто показалось... ну, знаете, бывает так, что заметишь мелочь какую-то, и кажется важным, а потом, если кому-то сказать, так и выходит ерунда. Не знаю, в общем...

– Ёксель-моксель! – не выдержал капитан и даже рукой отмахнулся от этого припева всей Малининской жизни, прилипшего намертво уже ко многим на его памяти. – Да вы скажите, а я уж сам решу, важно или нет.

Поколебавшись, Миков рассказал про две машины, которые заметил на шоссе. Потом, еще поколебавшись, отчего капитан снова принялся его торопить, про аварию. Но про предстоящие вечерние разборки говорить не стал. В такие дела лучше ни власти, ни таких вот частных сысковилов не впутывать, подумал он, опасаясь раскручивания конфликта. Разберемся. Зусёк надежнее.

Елагин задумался. Миков посмотрел на часы и сказал, что у него еще дела сегодня. Надо идти. И вообще завтра он едет в конзавод, и это удача, что капитан застал его сегодня дома. Редкость.

– А как связаться с вами? – спросил Елагин.

– Пока что только мобильник. Завтра утром еду.

Капитан продиктовал свой, тоже мобильный, потом записал Миковский и предупредил:

– Только мой сейчас сломан. С завтрашнего дня по нему звоните.

Это была правда. Он хотел стребовать с Левы за ремонт, но в кафе про это забыл. Может, потому что дома мобильник оставил. Но так, наверно, даже и лучше. После этого вытрезвления валялась бы сейчас его «моторола» неизвестно где.

– Значит, до связи. Насчет этих ваших машин мы выясним... Жалко, что номера не запомнили. В любом случае, за информацию спасибо. – Капитан пожал Микову руку, и они пошли в разные стороны.

Лева сказал, что будет поздно вечером. Времени оставалось немного, но оставалось. Наползала усталость, такая сильная, что языком еле ворочал. Елагин выпил кофе в забегаловке и, с трудом вспомнив телефон старого знакомого, Аркадия, пошедшего круто вверх с самой перестройки и ухитрившегося укрепиться в какой-то секретной оперативной структуре, работавшей по компьютерным технологиям, позвонил ему из автомата. Аркадий оказался дома.

После приветствий и двух-трех вопросов о всякой прошлой ерунде Елагин спросил:

– Помнишь Малинина?.. Которого из ГАИ к нам перевели?.. Толстый такой, он еще...

– Да помню. Ёксель-моксель.

– Ну да, моксель... Точно. Слушай, Аркаш, мне надо один вопрос у него выяснить. Срочно. Я из автомата. Телефон его... телефон узнай.

– А у меня есть, – сказал запасливый и дотошный Аркадий, – наверняка. У меня знаешь, какие телефоны остались?.. Я тебе всю историю могу поднять по телефонам...

– Слушай, – попросил Елагин, – выручи. Очень надо. Позвони ему, спроси... одну женщину должны были в больницу отправить. Он знает. На «Скорой». Узнай, куда, где... ну, короче, сам знаешь.

– Ладно, не волнуйся. Жди.

Слышно было, как Аркадий положил трубку на стол. Потом, после паузы, сказал несколько фраз, неразличимых там, в трубке, среди далекого шипения помех. Слышно было только по тону, что восклицает, смеется. Потом голос стал серьезным. Видно, спрашивал. Потом снова взял трубку.

– Слушаешь?.. Выяснил. Говорит, все в порядке. Травмы несильные. Вроде, стукнуло ее слегка, а сознание потеряла от падения. В Склиф отвезли. Не волнуйся. Туда звони. Только навещать сегодня не надо. Завтра, с утра. Говорит, укол сделали, спит. Он узнавал. А кто она тебе?..

– Какого падения? – Капитан пытался сообразить, почему услышанное не сходится в понятную картину. – Откуда падения?..

– Ну ее же машина сбила. Ты что, не в курсе?.. Малинин говорит, возле их вырезвителя нашли... он же в вырезвители работает, это ты хоть знаешь?..

– Это знаю, – согласился Елагин.

– Ну вот. Он говорит, машина уехала, ищут сейчас. А женщина цела, не волнуйся... Ну так тебе-то она кто?..

– Знакомая, – ответил капитан.

– А-а... ну-ну. Ладно, не буду приставать. А что у тебя там вышло по службе?.. Я слышал, временно отстранен?

– Не временно уже, – сказал Елагин.

От этого не скроешь. Аркашке лучше не врать, а то доверия потом не будет.

– Ну ты.. по-честному... правильно отстранили?

– Нет, не правильно. Часто ты правильное встречаешь в таких делах?..

– Бывает и правильное, – сказал Аркадий. – Но тебе я верю, не сомневайся. Может, помочь чем?.. Есть надобность?

Елагин вздохнул.

– Подумать надо, – сказал он. – Я тебе позвоню. Конечно, есть... только в чем – не знаю пока. Мне же не отмазка нужна, а справедливость. Понимаешь меня? Как буду готов – позвоню.

– Конечно, – серьезно сказал Аркадий. – Звони. В любое время.

Капитан повесил трубку. Заглушил в себе всколыхнувшиеся обиды. Не время сейчас. Подождав немного, вернулся мыслями к Левиной секретарше. После того, как некоторое время безуспешно пытался вспомнить если не фамилию, так хотя бы ее имя, понял, что никогда его и не знал. Секретарша и секретарша. «Ты», «вы». Зачем имя?.. Не забыть бы только сегодня у Левы спросить. С ним разговор тоже может горячий получиться.

Вот, значит, как, подумал капитан. Машина виновата. С другой стороны, оно и понятно. Чего он хотел? Сообщения, что травмированную женщину нашли в служебном помещении вырезвителя?.. Конечно, они могли бы и ее водкой накачать и отправить в такое же женское заведение, но, видно, Малинин поднял шум... Не получилось.

Капитан медленно шел в направлении Левиного офиса. Отсюда пешком – минут тридцать. Как раз успеет.

А может, Малинин был в курсе?.. Или нет?.. В общем-то, вытащить ее в окно и положить на мостовой мог и один человек, и вовсе не Малинин. А тот ради чести мундира молчит. Но ведь она-то знает, что это не машина. Значит, в опасности. И в Склифе в опасности. И Малинин, если это не его рук дело, тоже рискует. Он свидетель. Если, конечно, не наврал.

Капитан почувствовал себя как щепка в бурном потоке. Несет куда-то, а сделать ничего нельзя. Знать мало... доказать-то нечем. Пока с секретаршей не поговорит, лучше молчать. Ее роль тоже надо еще выяснить.

Елагин чувствовал за происходящим какую-то силу, но и только. А этим никого не удивишь. Значит – копать, копать... В его работе ничего нет хуже домыслов и полуправд, поэтому теперь лучше не останавливаться. Иначе та волна, которую сам поднял, его же и накрыть может. В вытрезвитель-то вон как ловко запрятали.

Предстоящий разговор слевой должен был прояснить многое. Капитан сильно на него рассчитывал. То есть, просто необходимый разговор. Ведь до сих пор даже не было ясно, какая роль ему предлагается: то ли расследовать убийство Сороки, все как положено, но в частном порядке, то ли защищать интересы «Шписа и Прена» в непонятной пока борьбе, происходящей, видимо, вокруг этого коня. Куда, возможно, и убийство Сороки относится. Но тут важно отчетливо сознавать, чем занимаешься. Внятно и строго. Мухи – отдельно, котлеты – отдельно. Это смешивать нельзя.

Пока шел, готовясь к разговору, совсем стемнело. Левин офис был закрыт. Не приехал еще, значит. Внутри должен был дежурить охранник, и Елагин звонил и звонил в дверь, пока не надоело. Никто не открывал. Он отошел на мостовую, посмотрел оттуда. Все окна темные. Что за черт, подумал он. Не бывает так. Всегда там свет, где-то внутри, даже ночью. Может, это из-за секретарши?.. Поехали в Склиф навещать, все, вместе с охраной?.. Он усмехнулся. Абсурд. Однако света не видно, внутри никого. Значит, на сигнализации. У Левы тут все предусмотрено, хотя внутри кроме пары компьютеров ничего, кажется, и нет.

Оглядевшись, Елагин снова подошел к двери. Улица была пустынной, лишь два-три человека были в поле зрения, да и то далеко. Немного поборовшись с растущей досадой, он размахнулся и пнул ногой дверь. Та дрогнула и вдруг слегка приоткрылась.

Подумав, капитан осторожно потянул ручку на себя. Дверь легко и бесшумно уступила. Внутри было совсем темно. Капитан еще раз внимательно огляделся и, не обнаружив ничего вопиюще необычного (хотя, по правде сказать, это и настораживало больше всего), вошел внутрь, закрыв за собой дверь.

Некоторое время он стоял, привыкая к темноте помещения. Что-то произошло, но что? В любом случае, слушать звуки и напрягаться смысла не было. Здесь никого нет. И не может быть. Если только прямо сейчас кто-нибудь не шарит в Левином столе... ну, или еще где-нибудь. Но капитан не верил в такие совпадения. Войти в момент ограбления, да еще столько времени перед этим названивая в дверь – это уж слишком. Да и охрана... где охрана?

Он прошел, не включая свет, через первую комнату, и в конце ее наткнулся на опрокинутый стул. Не трогая его, прошел дальше. Что-то разбитое – ваза, наверно – на полу. Бумаги рассыпаны.

Он прошел в Левин кабинет. Тут вообще как буря пронеслась. Явно что-то искали, а может, и боролись. Да, скорей всего. Даже в темноте он разобрал, что не столько ящики открыты, сколько мебель перевернута.

Капитан вышел из кабинета в предбанник, где стоял стол секретарши. Посмотрел в окно. Весь двор отсюда просматривался. Вон там он лежал днем. Там его вели. Точно, отсюда хорошо видно. Как же это они так... лопухнулись. Секретарша могла узнать кого-то из них, из тех... А могла и просто среагировать на то, что вот человек вышел, и вдруг уже во дворе лежит, и уже ведут его... Надо с ней поговорить, подумал Елагин. Только она и может сама объяснить, что произошло.

Он быстро прошел через офис, осторожно приоткрыл дверь и, убедившись, что рядом никого, вышел на улицу. Вытер рукавом дверную ручку. И быстро пошел по тротуару к телефону на углу. Постоял с трубкой в руке, еще раз подумал. Конечно, Лева не сторонник обра-

щаться в милицию по подобным делам. Предпочитает своими силами решать, для чего и Елагину платит. Да и милиция, по правде, не рвется из кожи, когда ни прямых улик, ни мотивов, да и потерпевшие готовы от всего отказаться. Поэтому можно, конечно, стоять тут до утра и ждать, как договорились, не поднимая шума. Но капитану казалось... да, собственно, уверен он был, а не казалось, что не придет сегодня Лева. И милиция, даже если что-то ей в руки попадет, тоже ничего делать не станет. Зачем ей вешать на себя еще одно нераскрываемое дело?..

Но вызвать, конечно, надо. Так, для профилактики. Как ранку спиртом протереть. И капитан, больше по привычке выводить события из равновесного состояния для того, чтобы лучше в них разобраться, набрал ноль-два, сказал об ограблении, назвал адрес. И поехал домой. Отоспаться, а потом узнать, что было, и принять решение.

Собственно, домом он сейчас называл квартиру старого приятеля, Валерки Валеева. Тот был фехтовальщик, шпажист, многократный чемпион Союза. Еще задолго до перестройки стал тренером, поработал где-то в Подмоскowie, и вдруг недавно уехал по контракту в Эмираты, учить шейхов колоть. Уехал вместе с женой и сыном, а квартиру сдать не решился, побоялся. Оставил ключи Елагину, взяв изуверское обещание поливать цветы два раза в неделю и вообще присматривать, а если решит на время поселиться – потом сочтемся. Валерка был себя на уме, знал, что делает. Хитрый. Подловил капитана на желании иметь отнорок на всякий случай. Ну, мало ли что.

И Елагину пришлось поливать цветы. Но два раза в неделю не получалось, ни у него, ни у жены. Цветы поэтому давно засохли, а Елагин, все же, продолжал заезжать, хоть и далеко это от дома, потому что Валерка звонил оттуда, из Эмиратов, и ухитрялся застать его на месте, спросить, как дела (у квартиры, конечно, а не у Елагина), и рассказать о своих.

Однако вот теперь квартира его пригодилась, и еще как. Дело в том, что они с женой решили начать ремонт. У себя, конечно, в своей однокомнатной, на Бабушкинской. Все подготовили, сдвинули мебель, ободрали стены. Она взяла отпуск, совпавший по графику с ремонтом. И вдруг подруга позвала ехать отдохнуть к своим старикам, под Рязань. В деревню, возле речки. Если смотреть на вещи просто, так Елагину бы и обрадоваться, пусть едет, а то ведь его работа на Леву и ремонт съедали все время – что ж у нее за отпуск такой?..

Но капитан взревновал. Был, правда, аргумент, что у подруги двое детей, и едет она тоже без мужа, который сильно занят, для чего и пригласила ее, но издерганный своей милицейской опалой и самодовольным Шписом капитан принимал все на свой счет. Казалось ему, что отношения их уже совсем не такие безоблачные, как вначале, что для нее, физиолога, кандидата наук, его милицейские проблемы не вполне понятны, а то и вообще местами отвратительны, и, самое главное, там, в НИИ, где она работала, есть всякие такие... сотрудники. В общем, жена его была ничего себе, и пококотничать любила, поохотать, и общества мужского не гнушалась. И, главное, давала иногда повод капитану ревновать, задерживаясь на всяких застольях среди коллег, происходящих по поводу и без повода.

Но лишать ее отпуска он не мог, даже ревнуя. И она поехала с подругой и ее детьми в отпуск на капитановой «четверке», потому что ничего так не любила, как развезжать за рулем. А он, полный жгучих мыслей, остался.

И в результате всего поселился в Валеркиной квартире, не в силах не то что быстро закончить, но даже просто продолжить ремонт, так как возникло дело Сороки. А ведь начал уже белить потолки.

Жена, конечно, знала, где он теперь живет, и звонила сюда, к Валерке, так как на Бабушкинской он телефон вообще отключил, чтобы не отвлекал в редкие минуты ремонта. Там только семейное, только для нее. Ничего другого.

Сейчас капитан включил ответчик, и голос жены сказал, что она не обольщается насчет его хозяйственности, но пусть он хоть что-то иногда делает по ремонту. Хотя, конечно, она понимает: работа, деньги. Но ремонт, ремонт не забывай.

– Ладно, – сказал ответчику капитан, заглывая чай с бутербродом.

Потом она принялась шутить, не завел ли он там кого, пока они отдыхают. В голосе чувствовалось некоторое беспокойство. Странно. Он тоже подобное подумывал, только в ее адрес. Хотя чего там, под Рязанью. Кого там. А с другой стороны, как посмотреть...

– Нет, не завел, – сказал он, оглядывая, наконец, себя, во что одел его Малинин.

Ненамного лучше, чем во дворе. Ну да оно и понятно: вырезатель. Форма соответствует содержанию.

Жена отсоединилась. И заговорила Валеркина жена, Лида. Строго напомнила про цветы и сказала с намеком, что Валерка знает про ремонт, про то, что Елагин пока у них, и позвонит послезавтра днем, узнать, как там дела. У их любезной квартиры как дела, мысленно добавил капитан. Куркули. Хотя, конечно, за возможность пожить тут – спасибо. Надо купить им цветы. К приезду. Такие же, в горшках. Красные какие-то. А то ведь удавятся.

Он допил чай. Вот ведь тоже вопрос: откуда Валерка узнал, что он у них живет?.. Видимо, соседи наблюдают, решил капитан, подумав. Двойной контроль.

Больше сообщений не было.

– Послезавтра так послезавтра, – ответил он телефону и пошел в душ, отмываться от вырезателя.

Потом лег спать, и все исчезло. И почти сразу открыл глаза. Слепило солнце: забыл занавеску задвинуть. Но, вроде, выспался. По частям вспомнил, что было. Прикинул, с чего начать. И полез с дивана – работать.

7

Разговор получился коротким. Зусёк приехал на «Ниве», с двумя ребятами помоложе себя, которых он называл бойцами. С одним из них он вылез из машины, а второй боец достал ручной пулемет, положил его стволом на дверцу и прицелился.

Бандиты такого не ждали. Они приготовили счет лоху, из-за которого все сломалось, а приехали ветераны, с которыми говорить вообще нельзя. Эти нажмут на гашетку и не поморщатся.

– Ну? – спросил Зусёк, подойдя к серому «Мерсу», возле которого стояли бандиты. – Где это вы его так помяли?..

Он осмотрел покореженный бампер и сказал:

– Аккуратней ездить надо.

Потом обвел взглядом молчавших парней и спросил:

– Еще нужны советы какие-нибудь?

– Сам знаешь, что нет, – ответил один из них.

– Паспорт тогда давайте.

Переглянувшись, они неохотно кивнули другу другу. После чего один из них слазил в «Мерс» и протянул Зуську паспорт Геника. Тот посмотрел, убедился, что все правильно и аккуратно спрятал его в нагрудный карман.

– Ну тогда счастливо оставаться.

Зусёк с сопровождавшим его бойцом вернулся к «Ниве», и тогда второй, с пулеметом, ударил очередь под ноги стоявшим возле «Мерса». Бандиты запоздало прыгнули кто куда успел. Одна из покрышек с шипением осела.

– Убьешь же! – крикнул один из упавших.

– Убью, – согласился Зусёк уже из кабины, высунув локоть из открытого окна.

И ветераны уехали.

Упавшие встали, отряхнулись.

– Падла, – сказал кто-то из них вслед «Ниве». – Теперь еще колесо менять.

– Сменишь, – ответил другой. – А вот что бороде скажем?

Перед этим у Зуська была короткая встреча с Миковым, учившим его когда-то ездить верхом. Миков тогда работал в «Динамо», и Зуська, имевшего характер, по мнению всех его друзей, совершенно непреклонный, для начала стал сажать на своего молодого троеборного коня, чистокровного, купленного недавно со скачек. Работать его Миков еще не начал, и тот всегда готов был стартовать – то единственное, что знал и умел. Это был неуправляемый снаряд, как ядро под Мюнхгаузеном. Подбрасывал ноги выше головы, кидался в разные стороны, и Зусёк шмякался с него так, что эхо по манежу гуляло. Но зато через месяц сидел в седле крепче мастеров. Правда, научившись цепко держаться, он этим и ограничился. Сам решил, что хватит. Главное, чтоб направить на врага и не упасть. Это Зусёк освоил, а остальное его не интересовало. Зато Миков стал его другом навсегда.

Сам Зусёк был романтик и наемник. Воевал в Анголе, на Кубе, потом попал в Афган. Вернулся оттуда зрелым мужиком, повидавшим такого, что больше о романтике не говорил ни слова. Существовал он в трех ипостасях: на полигоне, на охоте и на рыбалке. Соответственно управляя БМП и тягачами, охотясь не меньше чем на кабана и ловя на квок сомов, причем, если попадались до пятидесяти килограммов, считал неудачей. Характер его из непреклонного стал зверским. Когда надо, конечно. Можно было даже сказать, что он с характером справился. В быту стал спокойным, ровным и рассудительным. Но на пути у Зуська стоять было нельзя, сшибет, как грузовик.

Поэтому, когда Миков рассказал ему про аварию, случившуюся у брата, тот внимательно дослушал и хлопнул по плечу:

– Понял. Геник не виноват. А таких крутых я знаю... И они меня знают. Что гораздо важней.

Перед самой встречей с Зуськом Микову позвонили, забили стрелку. Он передал Зуську информацию, спросил:

– Мне ехать?

– Да зачем ты мне там, – пожал тот плечами. – Я, бойцы, пулемет – все места заняты.

И в тот вечер Миков остался дома. Примерно за час до стрелки позвонил тот, низким голосом, говоривший витиевато. Сказал:

– Вы еще здесь?.. Хочу предупредить, Геннадий, что предстоящий вам разговор, касающийся, так сказать, материальных отношений с владельцами дорогих автомашин, ни в коей мере не отменяет вашей ответственности за срыв поездки. Это, так сказать, другая сфера...

Миков повесил трубку и сразу сообразил, что забыл спросить его телефон. Хотя наверняка не скажет. Он подождал, но витиеватый, считавший, что говорит с Геником, в тот вечер больше о себе не напоминал. Зато позже позвонил Зусёк. Как обычно, сквозь шум мотора и, как обычно, коротко:

– Спустись к подъезду.

Миков выскочил, подошел к стоящей перед домом зеленой «Ниве» с громко работающим двигателем. Зусёк из окна протянул ему паспорт и сказал:

– Извини, спешу. Потом поговорим.

– Все нормально? – спросил Миков.

– А чего там может быть ненормального?.. Поговорили. Порядок. Если чего надо – звони.

– Спасибо, Зусёк, – сказал Миков.

– Звони, – повторил тот, махнул приветственно рукой, и «Нива» поехала, рыча мотором с особой яростью, какую даже у «Нив» еще поискать.

Потому что Зусёк, считавший машинами только такие шумные и скачущие на кочках внедорожники, наверняка выбирал ее сам, ориентируясь не в последнюю очередь по силе звука мотора. Самую громкую из всех.

Витиеватый вновь объявился только на следующий день, с утра, перед самым отъездом.

Аленка была уже в заводе, они только что поговорили. Там, вроде, все шло нормально. Геник заперся в комнате заводской гостиницы, Подарок стоял в деннике и был в полном порядке.

И тут раздался звонок на домашний телефон.

– Геннадий!..

Миков, уже настроившийся на то, чтобы вновь стать собой, то есть, Василием, даже не сразу понял, к кому обращаются. Сообразил только потому, что узнал низкий голос. Хотел было сказать, чтоб перезвонил через часок, когда будет уже в пути, но вспомнил, что ведь тогда отец может подойти. Вернется от друга, куда они с матерью с утра отправились, и запросто окажется дома. А ему если что покажется важным, так все подробности вытянет. К тому же и этот, витиеватый, захочет тогда мобильный номер узнать. Отец не скажет. А это уже может быть чревато.

– Слушаю, – сказал он.

– Хочу вас предупредить. То, что я сказал вчера насчет сорванной вами поездки – не шутка. Слышал, конечно, что крышу имеете бронированную... ну что ж, это, хоть и неожиданно, но сути дела не меняет. Поездка состоится. И к вам претензии те же: помешали – теперь должны помочь. Я думаю, что и ваш друг-пулеметчик согласится с этим.

– Ну и что я должен?

– Вот это уже прилично. Вы должны поговорить с вашим братом. Хотите – по телефону, хотите – можно и съездить... вас отвезут. Но смысл в том, что Василий должен устроить судьбу, так сказать, Подарка...

– Чего? – перебил, не удержавшись, Миков, и сразу вспомнил предостережение вчерашнего сыщика на Пушкинской.

– Ну это его коня так зовут. Подарок.

– Это я знаю.

– А чего тогда удивляетесь?.. Любая судьба стоит того, чтобы ее устроить. В том числе и братья наши меньшие, как их называют... и эта животина тоже. Мы предлагаем очень хороший вариант. Будь я лошадю – согласился бы без разговоров. Чем рисковать своими копытами и, так сказать... другими подковами... можно славно и мирно проводить дни...

– Так о чем речь? – перебил Миков. – Что я-то должен делать?

– Быть на нашей стороне. То есть, на стороне Подарка. Поверьте, действуем в его интересах, хоть и не по его поручению. Короче, эту лошадь хочет купить один очень заинтересованный человек. Очень богатый. И, сразу скажу, купить не для спорта. И не для селекции. А для себя. Поймите эту слабость истинного ценителя непарнокопытных, который, наконец, обрел состояние, достаточное для...

– Зачем это?.. – снова перебил Миков, не в силах ждать естественного окончания фразы. – Почему я должен вам помогать?.. Конь принадлежит не брату. Говорите с хозяином, если хотите купить, но я уверен, что никто на это не пойдет.

– И вы совершенно правы. И я, и мои друзья, и все заинтересованные лица уверены в том же самом. Для этого нам и нужен ваш брат. Он единственный специалист, который может дать заключение о дальнейшей непригодности Подарка к спорту.

– Не может он этого, – усмехнулся Миков. – Как он это сделает? Даже если бы захотел, то ведь вокруг не идиоты. Конкур в Берлине вы куда денете?..

И тут вдруг до него дошло. Он даже не услышал, что принялся вкручивать ему витиеватый голос дальше. Прав этот сыщик, прав. Дело может серьезным оказаться.

– Давайте так, – сказал он, и витиеватый сразу замолчал. – Дело непростое... подумать надо. Через... через полчаса. Звоните мне сюда, я буду ждать звонка. И договоримся. Идет?

Собеседник его помолчал, словно взвешивал предложение.

– Я вам доверяю, – сказал он наконец.

По тону его было ясно, что не доверяет. Миков положил трубку и принялся хлопать себя по карманам. Потом вспомнил, что бумажку с телефоном сыщика засунул среди ветеринарных рецептов, которые просили передать в завод. Полез в сумку, нашел. Набрал номер.

Ждать пришлось долго. Ни гудков, ни отбоя. Наконец женский голос объяснил ситуацию:

– Телефон временно недоступен.

– Черт, – процедил Миков сквозь зубы.

Ну что стоило сейчас-то взять номер у этого... Опять забыл.

Пришлось ждать. Через полчаса витиеватый позвонил. Сказал с облегчением:

– А я опасался, что вильнете как-нибудь.

– Как же это я вильну?

– Не знаю, но ваш фокус с ветеранами произвел впечатление, и не только на меня. Поздравляю. От вас можно ждать непредсказуемых возможностей и решений. Ну так, возвращаясь к нашим баранам, что вы решили?

– Дайте мне ваш телефон, – высказал, наконец, Миков то, что много раз забывал. – Вопрос серьезный.

– Это конечно, – согласился голос. – Но, учтите, никаких пулеметчиков. Больше этот фокус не пройдет. Предупрежден – вооружен. Знаете такую поговорку? На ваших приятелей

тоже управа есть. Не такая, может быть, эффектная, но вполне адекватная, как грозят один за другим все наши президенты Америке на ее ужасные космические планы. Вроде, мы подплывем тихонько на лодочке с небольшой пушечкой...

– Слушайте, – перебил Миков, не в силах больше его выносить. – Давайте, ну... о баранах.

– Пишите, – сразу согласился голос и продиктовал номер мобильного. – Понимаю, что предложение требует напряжения мысли. Думайте. Но не забывайте, что я с нетерпением жду. Привет.

И отключился.

Миков снова набрал телефон сыщика, и снова ничего. Но теперь можно было ехать. Он взял приготовленную сумку, положил на стол записку для родителей, где просил ни в какие телефонные разговоры, если будут его спрашивать, не ввязываться, а если уж совсем прилипнут – дать телефон его мобильного. Но не встречать. А он из завода сам позвонит, как там да что.

На улице увидел стоящего спиной к дереву полного человека с аккуратной сидящей бородкой, чем-то похожего на классический портрет добродушного, любящего своих студентов, профессора. Тот смотрел на Микова сквозь очки, вроде бы искоса, но как-то напряженно, чем сразу привлек его внимание. Василий сел в «шестерку» и с полминуты прогрел мотор, наблюдая за ним. Бородатый отвернулся, неторопливо прошелся по тротуару, снова повернулся, вроде ждет кого-то другого. Но Миков уже засек его и видел, что тот косится в его сторону.

Впрочем, после этих телефонных разговоров можно было во всем видеть подозрительное. Миков вздохнул, вывернул из ряда стоящих вдоль тротуара машин и, не глядя больше по сторонам, поехал по переулку.

Через час езды, уже на шоссе, позвонил сыщику, который вдруг ответил.

– Ну наконец-то. Это Миков.

– Откуда вы? – спросил тот.

– Еду на Новгород. В завод.

– А я только что телефон наладил. Целая проблема, знаете...

– У меня очень важный... ну, разговор, – сказал Миков. – Я думаю, вас это интересует.

Насчет Подарка.

– А что такое?

– Предлагают навесить.. ну, чтоб я навесил, что он для спорта не годится.

– Зачем? – помолчав, спросил сыщик.

– Ну вот в этом и разговор. Вы сразу не въедете, тут разбираться надо хоть немного.

– Я попробую.

– Купить его хотят.

Сыщик снова помолчал и спросил:

– Ну а что тут такого?..

– Подарок – лошадь не как другие... – сказал Миков и замаялся.

– Это я уже начинаю понимать. Только не понимаю, почему.

– Слушайте... может, вы сможете подъехать сюда? Ну, если на машине. Я вас подожду.

Мне возвращаться ну никак. Спешу очень. Буду тут, на обочине... вот... деревня Лыкино. Километров пятьдесят. Прямо под указателем. Я на шестерке, синяя такая...

Сыщик еще раз помолчал и согласился:

– Ладно. Подъеду. Ждите.

8

С утра Елагин сидел в коридоре Склифа, ожидая разрешения войти в палату. Фамилию секретарши он так и не вспомнил, но в приемной нашел врача, помнившего его по прежним делам, и тот помог, ориентируясь по времени, когда ее примерно должны были привезти. Вышло, что фамилия секретарши Комарова.

В палате был врач, поэтому не пускали. Оказавшись в тишине и относительно бездельи больничного коридора, капитан постарался систематизировать ворох вчерашних событий. Некоторые из них можно было выделить как события вокруг конюшни, остальные же вообще систематизации не поддавались. От них только голова болела до сих пор, да и во всем теле ощущались последствия процедур по отрезвлению.

Так вот, к тому, что называлось «вокруг конюшни», Елагин отнес Сороку, с которого все началось, Мамтеева и Микова. А также неизвестного капитану итальянца Симанского, приезжавшего с непонятным визитом на московский ипподром. Вроде, поглазеть. Но слишком много расспрашивал, искал какого-то человека с такой фамилией...

Капитан засопел, вспоминая. Фамилия то забывалась, то снова выплывала из памяти. А, вот оно!.. Голубец. О Голубце и искавшем его Симанском вскользь упомянули в отделении, работавшем по ипподрому, когда рассказывали о Мамтееве.

Если бы не Сорока, то Елагин вообще считал бы конюшечные впечатления побочными и сосредотачивался бы на другом. Но убийство – не шутка, а произошло оно в кустах за конюшней. Это со счетов не сбросишь. К тому же именно поиск пропавшего Сороки и послужил началом всему. Поэтому тех, кто связан с лошадьми, Елагин выделял на всякий случай в особую группу. Номер один.

Номер два были секретарша, напавшие на него неизвестные и Лева со всеми своими компаньонами. Это выглядело еще конкретней, но никак не стыковалось с Сорокой, если не считать, что тот тоже был Левиным компаньоном. Парадокс. Лева собрался было прояснить ситуацию, но пропал. Ему Елагин звонил из автоматов утром, по пути к офису, но никто не отвечал. И офис оказался заперт. Подойдя к нему, капитан с безразличным видом прошел мимо. Дверь не была опечатана. Просто заперта. Хотя внутри явно никого не было. Он-то знал, как выглядит офис в рабочее время. Вечером ему Лева не звонил и на ответчике ничего не оставил, а это уже наводило на тревожные мысли. Была ведь договоренность. Не мог он загулять в такой неподходящий момент. Бизнесмен, все же, человек деловой.

Называя Леву бизнесменом, капитан обычно усмехался. Ничего не мог с собой поделывать. Самолюбие, наверно, заставляло. Но сейчас было не до усмешек. Перевернутые стулья, открытая дверь... Кто его знает, что там произошло.

И был еще третий элемент системы. Человек, формально связующий конюшню со всем остальным. Тот, в красной бейсболке. Но он был и наименее понятным явлением. Кем являлся на ипподроме, что делал возле Левиного офиса – неизвестно. Однако возникал вовремя, ничего не скажешь. В самые ключевые моменты. Пока что к нему вела только одна тропинка, Мамтеев. Он этого бейсболиста знает, с ним, видно, и говорить придется еще раз.

Капитан угрюмо разглядывал светлые, больничных цветов, стены коридора. И потихоньку предавался сомнениям, чего обычно себе не позволял. Ведь можно было бросить все это, как только в отделении узнал про Сороку. Пришел, доложил... свободен. Наверно, все то же самолюбие не дало остановиться. Кто бы он тогда был? Левин посыльный?.. Нет, это уж слишком. Поэтому начал копать.

Он еще там, в ипподромовском отделении, уловил нечто, заставившее его в кафе сказать Лева, что убийство Сороки – только начало. Логически объяснить он этого тогда не мог. Но сама расстановка событий говорила о возможном продолжении. Капитан тогда это только

почувствовал, а Лева знал, это было заметно. И боялся. И даже согласился собрать своих компаньонов и дать капитану все необходимые концы в руки. То есть, признал, что верит в возможность продолжения. А следом и само продолжение состоялось: Лева исчез.

Теперь же чем дальше, тем больше ситуация угнетала капитана. Не хватало ему почвы под ногами, к которой привык в прежние времена. Тогда было ясно: вот потерпевший, вот закон, а вот служебные обязанности и полномочия. И полное уважение граждан. Ну, по крайней мере, сотрудничество. А теперь как в рекламе: два в одном. Потерпевший одновременно является и преступником. Море возможностей. Впрочем, так, вероятно, было всегда, подумал Елагин. Все дело в формулировке. Правильно назовешь – и никаких сомнений. Раньше называлось правильно. Так как же все это назвать теперь?..

Долго сомневаться он не мог. Лицо терял, даже в размерах, как самому казалось, уменьшался. И поэтому быстро принял необходимое решение. Рассматривать свои поиски как частный Левин заказ. Пока что. А там видно будет. Тем более, что исчезновение самого Левы как бы давало капитану больше прав самостоятельно вмешаться в происходящее. Продолжать расследование, не советуясь с заказчиком.

Компаньонов его капитан, может, и видел иногда, и даже отыскать бы смог, но в тонкостях их отношений не разбирался, а потому и доверия ни к одному из них не испытывал. Как, например, к тому похожему на профессора толстяку из кафе, говорившему затейливым языком, которого сам же Лева выгнал, только зашла речь о деле. Значит, дальше – сам по себе. Получше сориентироваться, понять, что же происходит. Наверняка удастся и на Леву выйти, если сам не объявится за это время. Или если не объявятся те, кто, возможно, его захватил. Капитан хорошо знал Леву, поэтому с выводами не торопился. Ситуация сама себя покажет.

Вроде, полегчало, когда поставил все на места. Елагин вздохнул, сел на стуле удобней. И начал сначала. Эти, которые «вокруг конюшни» – номер один. Которые вокруг Левы – номер два. А номер три – красная шапочка...

Дверь палаты открылась, вышла женщина в халате, покосилась на капитана и сказала:
– Недолго, если к Комаровой. Вы к Комаровой?..

Он изобразил нечто полуутвердительное.

– А кто?.. Муж?..

Наверно, она решила, что муж, поскольку капитан молчал, и принялась объяснять:

– У нее сотрясение, не очень сильное, но пока не загружайте ее ничем, не волнуйте.

Говорить недолго. Могли бы и с тещей прийти, она с утра была. Только больную тревожите.

Елагин кивнул, и врач пошла по коридору.

В палате, кроме секретарши, были еще две женщины. Она лежала у двери, а те – под окнами, у противоположной стены. Одна спала, другая читала. Покосилась и снова уткнулась в книгу.

– Это вы-ы? – протянула секретарша.

Капитану показалось, что она разочарована. Но, возможно, только показалось.

– Так ваша фамилия Комарова? – спросил он, покосившись, на всякий случай, на ее соседок.

Те на фамилию не среагировали. Значит, точно, она.

– А вы не знали?

– Не знал. Вы ведь мою тоже, наверно, не знаете.

– Знаю, – сказала секретарша.

– Ну и как?

– Капитан Диего Бравый.

– Правильно, – удивился капитан. – Ну вам-то по должности положено знать, с кем шеф дружбу водит. Не удивительно.

– А вам – тем более. У вас в милиции фамилии всех преступников наперед известны. Правильно?

– А я не в милиции, – сказал капитан. – И вы не преступник.

– Почему вы так решили? – спросила она.

– Что?

– Что я не преступник.

Он серьезно на нее посмотрел и так же серьезно произнес:

– Это меня сейчас не интересует. Я зашел узнать... ну, проведать вас. Как себя чувствуете?

Она поморщилась:

– Голова болит. Вас что... Лев Михалыч прислал?

Капитан с трудом сообразил, что речь идет о Леве.

– Нет, – сказал он. – Какой Лев. Михалыч. Я сам...

– А откуда вы тогда узнали, что я здесь?..

Она что же, ничего не помнит?.. Ай-я-яй, подумал Елагин. Внимательней надо. Или, может, помнит, да виду не подает?.. И отшутился:

– У нас в милиции все фамилии наперед известны.

– А серьезно? – настаивала секретарша.

– Лев Михалыч сказал.

– Ну вот, видите.

И снова капитану показалось, что она разочарована. Он внимательно следил за ее глазами, но ни малейшего сомнения или подозрения не заметил. Только немного огорчилась. Выходит, ничего про Леву не знает.

– Он еще просил передать вам... – Елагин помедлил, не без колебаний пускаясь вновь в плавание наугад. – Попросить, точнее... чтобы вы вспомнили как следует... должен был зайти вчера в офис один человек, такой... забыл я, как его зовут... он в красной бейсболке вчера был.

– А, вы про Голубца, что ли?.. – спокойно спросила она. – Дурацкая шапочка. Он часто в ней ходит. Наездником себе воображает. Любитель лошадей. Нет, вчера он не был. Не знаю, я плохо помню. Но, по-моему, вчера не заходил.

– А что вы помните? – тоже почти равнодушным голосом спросил Елагин, у которого аж внутри от неожиданности трепыхнулось: Голубец!..

Сразу связалось одно с другим: Симанский, искавший этого Голубца, Лева, Сорока... Даже вырезвитель. И все это через ипподром. Стараясь неосторожной эмоцией не отвлечь секретаршу, он изо всех сил делал равнодушный вид.

Она подумала, пожала плечами:

– Не помню... Почти ничего. Здесь говорят, это восстановится. Напрягаться не советуют, я и не напрягаюсь. Так, вроде, быстрее вспомню, какая машина наехала. Может, знакомая. Да и вообще что я там делала. Даже это как в тумане.

Капитан посмотрел на ее заострившийся нос, серые глаза, словно обведенные тенями, тонкие и, наверно, мягкие на ощупь волосы на подушке. Вспомнил, как нашел ее лежащей в той комнатухе. Отвел взгляд, порылся в кармане... Достал записную книжку, написал на свободной страничке номер своего сломанного мобильного. Вырвал, положил на тумбочку.

– Вот, мой телефон. Сейчас не работает, но сегодня починю, обязательно. Если что – звоните. Я ведь Левин консультант, значит, и ваш тоже. Что вспомните – звоните мне. Если придет кто-нибудь незнакомый, или даже знакомый, но не ваш... как бы, не личный, а с фирмы. Кто к работе отношение имеет. Звоните сразу, как только сможете. Я вам потом объясню, это очень важно. Лева сказал. Этот... Лев Михалыч. Сейчас я пойду, отдыхайте. Но к тому, что я сказал, отнеситесь очень внимательно. И поправляйтесь поскорей.

Он встал и направился к двери. Придется самому мобилу чинить. Не то, чтобы капитан жадничал, просто вопрос казался ему принципиальным. Работает-то он на Леву.

– А вы сейчас один пришли? – спросила она ему вслед.

– Один. А сколько надо?

– Нет, я просто... Врач тут была, говорит, наверно, муж пришел. Я не поняла, смотрю, вы входите. Ну не вы же муж. Решила, что там, может, еще кто-то сидит.

– А кто ваш муж?

– Я не замужем.

– А... кто же тогда там должен быть?

– Вот мне и интересно.

Озадаченный капитан высунулся в коридор, посмотрел, снова повернулся к ней:

– Никого.

Наверно, вид у него был туповатый, потому что она улыбнулась.

В коридоре он повертел в руках записную книжку и сунул обратно в карман. Никогда не записывал то, что можно запомнить. Если только уж очень что-то незначительное. Или вот так, для других. Получалась записная книжка наоборот.

После больницы Елагин зашел-таки в мастерскую, где ему починили мобильник. Почти сразу. Заменяли аккумулятор и еще что-то. И даже чехол новый сверху надели. И совершенно бесплатно. Потому что работал там мастером один парень, которого капитан однажды не то чтобы вырубил, нет, просто не стал топить из-за мелкого нарушения. Парень этот жил в соседнем с капитаном доме, а работал здесь, в центре. В мастерской. Теперь, вроде, уважал. Правда, из-за такого вот отношения к людям Елагин постоянно и наживал себе неприятности. Зато мобила как новая, с досадой думал он, направляясь к метро. Выгода налицо.

И тут позвонил Миков. Объяснить ничего толком не смог, попросил приехать километров за пятьдесят: будет ждать там на обочине. Капитан подумал и решил поехать.

9

Нужна была машина. У Елагина была своя «четверка», но, естественно, одна. На ней жена уехала отдыхать. Он как-то не думал, что здесь, в городе, ему понадобится машина. Всегда на метро ездил, это гораздо быстрее выходило, да и чувствовал себя как белый человек: где хочешь вышел, парковаться не надо, потребовалось в магазин зайти – зашел, хоть на этой, хоть на той стороне: всего-то делов в подземный переход войти. Пробок никаких. Живи и радуйся. А если куда-то ехать, так вон, у Левы этих машин сколько угодно... Так ему казалось, во всяком случае. Но теперь Лева неизвестно где, и если до вечера не объявится, то придется начинать и его искать активно.

Раздумывая, где бы добыть машину, Елагин проехал пару остановок и зашел в отделение, на территории которого находился Левин офис. Поскольку никого там не знал, представился как есть, капитаном в отставке, спросил, что там такое произошло в этом офисе. Но ребята оказались необщительные. Выяснил только, что никаких трупов не было. Ну и то хорошо.

Потом вышел на кольцо, стоял, озирался, будто можно было таким образом найти машину. Главное, что времени не было. Придется платить. Ведь ждет же он там... Вздыхнув, капитан вынул из кармана смятые купюры, пересчитал. Ни документы, ни кошельки или портмоне он предпочитал с собой не носить, с тех пор, как уволился из милиции. Отчасти поэтому и в записную книжку ничего не писал. Мало ли... Сейчас бы, например, в вытрезвителе про него полная информация была.

Елагин поднял руку, и остановились сразу трое, один за другим. В очередь встали. Первым был парень на потертой красной «восьмерке».

– По Нижегородскому шоссе километров пятьдесят, – сказал капитан. – Если там подождешь, то и обратно. Подождешь?

– Смотря сколько, – сказал парень.

– Штука.

Парень думал. Капитан молча открыл дверь, сел, протянул ему деньги.

– Поехали. Если хорошо водишь, добавлю.

Под знаком на въезде в Лыково действительно стояла синяя «шестерка». Капитан пересел в нее, пожал Микову руку.

– Ну, – сказал он. – Излагайте.

– Вы мне сказали, что с конем связана опасность какая-то, помните?..

– И что?

– Похоже на то. Лет семь... почти восемь назад. – Миков вздохнул, потер подбородок. – Нет, семь. Наш конзавод... ну, вот этот, куда я еду. В общем, купили партию эберсвальдских кобыл. В Германии. Это такая порода... даже, точнее сказать, породная группа, чисто спортивная, совсем недавно выведена. А раз недавно, значит, ее еще продолжают формировать, и за пределами этого хозяйства получить такую лошадь невозможно. Производителей всего по пальцам пересчитать... словом, это разговор отдельный... а смысл в том, что порода очень прыгучая, буквально равных нет. Стоят эти лошади очень дорого.

– Очень? – переспросил капитан.

– Сотни тысяч, бывает, если способная. Тоже ведь разные попадают. Ну вот... Жеребцов они вообще не продают. Только мерингов и кобыл. Наши купили партию кобыл... как-то через Польшу ухитрились. Нашим бы и этого не продали. Традиции сильные. Конкуренты.

– Мы – конкуренты?.. Неужели настолько?

– Ну... они так считают. Вон же, не продают. В общем, получилось совпадение, каких мало бывает. Случайность. Одна из кобыл в этой партии оказалась жеребой. Как они прохло-

пали, никто не знает. Бывают и у них накладки, не все же у нас. Обнаружилось это только в России. На кобылу не дышали, молились, чтоб жеребца родила. И получилось. Родился жеребенок. Как подрост, стали гадать, от кого. Постепенно, по экстерьеру, по отметинам, ну... по многим признакам, в общем. Определили. Оказалось, лучше нет, от самого породного, Призрак его зовут. Это, знаете, в таких вот молодых породах обычная картина: стоит, например, производителем гольштинец, а потомство его считается уже эберсвальдскими лошадьми, потому что подходит по всем промерам под породный тип. Ну вот. А Призрак – это самый настоящий эберсвальдец. Не тракен, не чистокровный. Первый производитель этой породы.

Капитан тем временем чисто машинально посматривал по сторонам. Все было нормально, шоссе как шоссе. На той стороне стояли три машины, подальше в направлении Москвы. Да позади, метрах в трехстах – фура. Ну да чего бы им тут не стоять? Всем можно. Ни домов поблизости, ни чего другого особенного. Да еще сзади, впритык – красная «восьмерка», на которой он приехал.

– Ну... вот тут и началось, – говорил между тем Миков. – Немцы узнали, и к нам. Стали требовать назад жеребенка. Кто им сообщил, не известно, все, в общем, в тайне держалось. Но такой, почему-то, всегда найдется. Кто свистнет. Так вот, стали разбираться, и оказалось, что законов таких нет, чтоб возвращать.

Миков развел руками.

– Умылись, стало быть, – подытожил Елагин, начавший уже сомневаться, стоило ли мчаться сюда, чтобы слушать лекцию о выведении новой породы лошадей. – И в чем же тут гвоздь, так сказать, истории? Так, чтобы мне, а не вам, интересно было.

– Да... сейчас объясню. Ну... мне звонит какой-то человек. Болтает как персонаж из этого... не знаю откуда. Странно как-то говорит, витиевато.

– Ну да, бывает, – согласился капитан, вспомнив урку-профессора из «Анны Монс», где говорил слевой. – И что же он так витиевато вам говорил?

– Предложил доказать, что Подарок не годится для спорта.

– Как это? – удивился капитан.

– Я и сам не понял. Но он сказал, что коня хочет купить кто-то с деньгами, ну... так, чтобы ни в спорте, ни в селекции его больше не было.

Капитан начал чувствовать какую-то логику во всем этом, но внятно уловить смысл пока не получалось. Он спросил:

– И это он прямо вам вот так и предложил?

– Не совсем. Он думал, что говорит с братом.

– С вашим?

Миков недовольно вздохнул и рассказал ему историю с Зуськом и его пулеметчиками.

– Ветераны? – уважительно заметил капитан. – Это ребята серьезные. И хорошо его знаете?

– Ну... Зуськов постарше меня, конечно, но мы как бы друзья. Так вот, из-за Генки мне и пришлось в Москве задержаться. Вроде, я – это он. А брат там, в заводе, за меня. Как будто я туда приехал. Похожи мы с ним. Даже очень. Но он... ну, лопух немножко. Да и Зусёк, все же, больше мой друг, чем его.

– Брат ваш тоже конник?

– Нет!.. Не рубит абсолютно. Ближе к лошадям не подойдет.

– Понятно. То-то вы так к нему спешите.

– Ну да... конечно. Мне в завод вчера надо было приехать – ну вот никак не позже. Потому я его с женой своей отправил, чтоб думали, что это я из Берлина сразу туда. Ну... там, в общем, свои интриги. Я тренером оформляюсь, но есть, как бы, сложность. Конкуренция.

– Понятно, – повторил капитан. – И тут вам кто-то звонит...

– Да!.. Вот он, витиеватый этот, и звонил, чтобы предложить брату уговорить меня, то есть, как бы, человека знающего, которого слушать станут, чтоб я наговорил всякого на Подарка. Чтоб продать его. Это невозможно. Но витиеватый не понимает. И я вот почему вам позвонил. Мне вдруг показалось, что это ведь могут немцы шуровать. Дали деньги, чтоб кто-то его купил, да? А он потом втихаря им назад продаст. Думаете, не получится?.. Еще как получится. А то могут и вообще покалечить. Или травануть чем-нибудь. Настоящие заводчики, я думаю, этого не станут, но тот, который мне звонил – запросто.

– Почему вы так думаете? – спросил капитан, слушавший уже с очень большим интересом.

– Он в курсе насчет тех машин... ну, в смысле, насчет аварии. И насчет Зуська. Как будто сам там был, или ему кто-то рассказал сразу. Я ж вам говорил, что такие же две машины за нами до Москвы по шоссе тащились, как будто момент ловили, чтоб остановить. Когда мы Подарка сюда везли. Наверно, те самые и есть.

– А почему они тогда у себя чего-нибудь с вашим конем не сделали?.. – спросил капитан. – Вы же в Берлине были. Там ведь проще, наверно.

– Так... какой же проще. Имидж хозяйства. Это ведь шум на всю Европу был, когда Подарок родился. Ну, конечно, в конном мире шум. Если с ним бы там чего случилось – им не отмыться. Никто бы не поверил, что случайность, если б даже я сам его там на препятствии повалил. Сказали бы, куплено падение. Им это еще хуже, чем если конь у нас останется.

Капитан кивнул и спросил:

– Симанский, не слышали такую фамилию?

– Не-а, – сказал Миков, поразмыслив. – Не слышал, вроде.

– Ну и ладно. – Елагин задумчиво помолчал, потом сказал: – Ловко вы сообразили. Похоже, что так и есть. Очень похоже.

Он протянул Микову свою записную книжку.

– Давайте ваш адрес тамошний, в конзаводе.

Пока Миков вспоминал и записывал, капитан еще раз, по привычке, пригляделся к машинам, стоящим вдоль шоссе. Ничто не привлекало внимания. Чисто машинально, просто чтобы что-то делать, он достал мобильник, и вдруг увидел, что тот выключен. Видимо, после звонка Микова отключил, так же машинально, как сейчас достал. Он покачал головой, включил, набрал код.

И вдруг телефон запиликал, как только настроился. Он посмотрел – звонили с незнакомого номера.

– Да, – сказал Елагин.

– Это я... Таня. Комарова, – сказал тихий женский голос.

Елагин не сразу сообразил после рассказа о Подарке, что это секретарша.

– Я видела тут, у нас, его. Того, помните, о ком вы спрашивали? Голубец. В коридоре.

– Голубец! – сказал капитан и вспомнил, что он на шоссе. – Сейчас приеду. Не сейчас, нет... через минут тридцать. Нет, через час. Не успею раньше. Нет, не успею.

– Приезжайте.

– Уже поехал, – сказал капитан. – Ждите. Если что – звоните. Не отдавайте телефон. Он что-нибудь говорил?

– Сидит в коридоре. Я видела, когда дверь приоткрыли.

– Еду.

– Подождите... – Она помедлила и сказала так же тихо: – Я вспомнила. Я... это не машина меня сбила... это совсем другое. Я видела... это целая история... все совсем не так...

– Да, я знаю, – перебил ее капитан. – Потом расскажете. А сейчас вот что. Там врачи, сестры – есть кто-нибудь?

– В палате сестра. Когда входила, я его и увидела...

– Скажите ей, наплетите что угодно, пусть его выведет. Скажите, у вас истерика из-за него. Родственник, скажите, или любовник, кто угодно. Так, чтоб она поверила. Напомните, что вам волноваться нельзя. Науськайте. Пусть они его вытолкают. Пусть охрану позовут, если упрется. Постарайтесь. Сможете?..

– Да.

– Обдумайте, что говорить будете. Схитрите. У него ведь там и знакомые могут быть, кто его знает. Только предупредите, чтоб меня пустили, когда приеду. Скажите что угодно. Что я хороший. Что на вас хорошо действую. Постарайтесь.

– Ладно. – Она отключила телефон.

Елагин взял у Микова адрес и сказал, вылезая из «шестерки»:

– Через день... или около того. Я к вам приеду. Тогда решим, что делать. До встречи.

– Боевая тревога? – спросил Миков, кивнув на мобильник, который капитан все еще сжимал в руке.

– Боюсь, что да. Может быть.

Парень на «восьмерке» старался заработать еще, гнал, но в Москве были пробки, и к Склифу они подъехали не скоро. Капитан даже не смотрел на часы, чтобы не расстраиваться. Однако по пути было время подумать, и многое теперь встало на место. Картина начала проясняться. Эх, из милиции кого-нибудь подключить бы, думал он. Но это, конечно, так... в порядке фантазирования. Вроде того, что наши придут – отомстят.

В том, что милиция его поддержит, капитан и сам уверен не был. Даже наоборот. Доказательств никаких. Потерпевших, и то, фактически, нет. Кроме, конечно, Сороки, который ничего уже добавить не сможет. Капитан всего лишь что-то знал, и только. А больше догадывался. Против него самого могли бы начать копать, и обвинили бы в чем угодно. И доказали бы. Потому что он – совсем другое дело. Преступник гораздо более отчетливый. Окно разбил во дворе, это ли не преступление. Поди докажи, что не он. Из вытрезвителя удрал. Оpoznать его – в два счета. А такому опальному и хулиганящему капитану веры не может быть ни в чем. Ему самому от закона скрываться надо. Пришьют что угодно, если потребуется, уж это он знал хорошо. Словом, рано радоваться.

10

И снова он оказался в Склифе. И ждал его тут сюрприз. Секретарша, глядя на капитана вполне безмятежно и говоря почему-то очень тихим голосом, сказала, что обозналась. В коридоре был не Голубец.

– А кто? – спросил он, начиная нутром чувствовать подвох: что-то в ее лице, во взгляде настораживало.

– Не знаю. – Она пожала плечами, слегка покосившись на соседние койки, что тоже не ускользнуло от внимания Елагина. – Похожий кто-то. Я сказала сестре, что там, в коридоре, кто-то такой... опасный. Что его сюда нельзя пускать. Как вы мне по телефону посоветовали. Она вышла и позвала его. Вот, говорит, это совсем не к вам пришел. Я посмотрела – да, действительно. Не ко мне. То есть, не он. Похож, правда. Но не он.

Капитан смотрел на нее, пытаясь понять, что именно его настораживает. Что спешил напрасно – досадно, конечно, но ничего. Важнее другое.

– А вспомнили вы что? – спросил он, помолчав. – Что с вами произошло?.. Вы мне сказали, что вас не машина сбила. Помните?

– Да-а, – протянула секретарша в некотором замешательстве. – Наверно, так. Мне надо еще вспомнить... подумать. А то наговорю вам сейчас... Я ведь еще не совсем... не совсем поправилась...

Она улыбнулась и снова пожала плечами, как бы извиняясь за свою бесполезность.

Капитан помолчал. Вздыхнул. Он привык прислушиваться к интуиции, а та сейчас, можно сказать, кривила недоверчиво губы и покачивала головой. Что-то было не так. Не сходилось.

– Вы меня извините, – сказала секретарша, – за звонок.

Вот оно, понял вдруг Елагин. Звонок. Пытаясь яснее сформулировать догадку, он машинально обвел взглядом палату и вдруг наткнулся на внимательный взгляд женщины, лежавшей на койке у окна. Та сразу опустила глаза, но капитан еще больше уверился в том, что интуиция права. Женщина смотрела напряженно, будто прислушиваясь. И сразу сообразил, чем насторожили его слова про звонок.

– Почему же вы не позвонили, когда увидели, что это не тот? – спросил он.

– А... телефон... он ведь не мой. Неудобно было опять просить, ну я и...

– Послушайте... – Он поискал слова. – Давайте так. Вы мне сейчас все говорите. Правду. Честно. И я постараюсь, чтобы никаких плохих последствий для вас не было.

– И как же вы это сделаете? – сразу спросила секретарша.

– Это уж мое дело.

– Да-а, – протянула она. – Ваше... видали они вас.

– Что вам Голубец такое сказал?.. Угрожал?

– Это не Голубец был, – сказала она, подумав.

– Ну вот опять. Не бойтесь. Лучше расскажите. Ну?.. Итак. Пришел Голубец...

– Да!.. – перебила она. – Голубец. Только не тот.

– Их что... несколько? – искренне удивился капитан.

– Двое. Еще сын его. Такой же, как он. Я потому и спутала. Похож.

– И что?.. Угрожал?.. Уговаривал?.. Что было-то?..

Секретарша молчала, словно колеблясь, говорить – не говорить. Капитан ждал, стараясь не спугнуть.

– Ничего не было, – сказала она вдруг решительно и отвернулась от Елагина.

– Ну вы же говорили...

– Я ничего не говорила. Я вообще... неадекватная. Меня машина сбила. Отстаньте.

Капитан встал. Раздражение боролось в нем с сочувствием. И победило.

– Если бы я не вмешался, – сказал он, глядя на ее затылок, – вы бы сейчас... вы бы... вас бы... короче, это я вас нашел там, в вытрезвителе. Если вы хоть что-то помните. Машина!.. Не машина. Если бы...

– Хотите сказать, я вам должна? За спасение? – сердито спросила она, вновь повернув к нему голову. – И сколько это стоит?

– Расскажите все, – сразу сказал привыкший к своей роли бесстатусного попрошайки Елагин. – И будем квиты.

– Все – много. За все вы всю мою жизнь устроить должны.

– Как же я это смогу?..

– Никак. Не сможете.

– Ну тогда не все расскажите.

Она подумала.

– Сын Голубца работает в том вытрезвителе. Знали это?

– Нет, – честно сказал капитан.

– Достаточно, значит?.. Расплатилась?..

– Нет, – возразил Елагин, сразу почувствовавший, как становятся на места многие из подвешенных в воздухе фактов.

Эх, один разговор слевой прояснил бы, наверно, все, подумал он с досадой. Но Лева исчез, вместо прояснения добавив головной боли. Приходилось теперь собирать по крупицам что дадут. Секретарша, конечно, была в курсе некоторых Левиных дел, но что-то ее напугало, что-то произошло здесь, в палате, пока он ехал сюда... Капитан понимал, что сейчас выяснить всего не удастся, надо было ухватить что получится и потом спокойно обдумать... Но что? Сообразить сразу, что бы еще спросить, не удавалось, и потому он задал первый же подвернувшийся вопрос, как обычно, наугад:

– Зачем вы туда поехали?.. В вытрезвитель?.. Из-за меня?

– Из-за вас? – удивилась она. – А почему я должна была из-за вас туда ехать?..

– Ну вы же видели меня... из окна.

– Из окна?.. – Секретарша искренне ничего не понимала. – Вас?.. Когда?..

Капитан смутился, что случилось с ним не часто. И не столько потому, что чуть не принялся рассказывать про то, как вели его в непотребном виде под руки через двор, сколько из-за собственной наивной уверенности, что она кинулась его выручать. С какой бы стати?.. А секретарша, подумав, сказала:

– Был звонок... по делам Льва Михалыча. Нужно было очень срочно разыскать Голубца. Передать ему кое-что. А сотовые не отвечали. Я и поехала к его сыну. Потому что никакой другой связи не нашла. Понятно теперь?

– А какие дела? – спросил капитан. – Что передать?

– Не скажу, – недовольно сказала она и снова отвернулась. – Это бизнес. Все. Я устала. Не могу больше разговаривать. К тому же за ваш благородный поступок... если он действительно был... заплачено сполна.

– А что там случилось, когда вы приехали?.. Почему...

– Ничего не случилось, – перебила секретарша. – Я ничего больше не помню. Мне надо отдохнуть.

– Ну там, в вытрезвителе? – продолжал настаивать Елагин. – Почему вас там... Почему вы там...

– Я ничего не помню, – повторила она упрямо и посмотрела на него таким измученным взглядом, что капитану стало совестно.

– Ну ладно... спасибо, – согласился он и пошел к двери. – Поправляйтесь. Я еще к вам заеду. Как только смогу.

Или как только понадобится, добавил он мысленно. В конце-то концов, прав настаивать на ответе у него действительно никаких нет. Выходя, он снова мельком увидел глаза женщины на койке возле окна. Та смотрела на него странно. Непонятно, как, но... странно.

11

Елагин был сильно раздосадован, когда вышел на улицу из «Склифа». Никогда еще он не ощущал себя настолько последним в колоде. И одновременно самым первым, как будто ему одному все это нужно. Как будто это не Левин, а его бизнес страдает. Как будто это он связался черт те с кем, купил какого-то коня, за которым из самой Европы хвост тянется, и теперь не разберешь, откуда ждать претензий. Как будто это не Лева, а он сам пропал, перевернув все в офисе вверх дном, и теперь на нем одном лежит забота о спасении.

При этом у Шписа был договор с каким-то охранным агентством, которое как бы заботилось о неприкосновенности офиса. Но выяснять это теперь смысла не было. С тех пор, как капитан узнал, что сын Голубца сотрудник милиции, ему многое стало если не полностью ясно, то, по крайней мере, логически объяснимо. А именно то, что за всей этой историей, начавшейся с убийства Сороки, стоит не случайное стечение обстоятельств. И произошло само убийство уже точно не по причине неудачной игры в тотализаторе. Убили Сороку потому, что он стоял на пути, видимо, очень немалых денег. И заинтересованы в этих деньгах и Левины компании, не говоря уж о нем самом, и Голубец, и еще многие неизвестные пока что капитану люди, имеющие, возможно, отношение к ипподрому, лошадям, и, кажется, вошедшие в какую-то махинацию вокруг коня по кличке Подарок, выигравшего что-то там в Берлине и меньше всех ждущего от этого выгоды. И люди эти способны на что угодно. Поэтому ожидать помощи ни от милиции, ни, тем более, от охранный агентства не приходится. Они не в курсе. Кто-то контролирует происходящее, но не они.

Словом, дело неприятное, которое проще всего бросить под шумок, сославшись перед совестью на то, что он, опальный капитан Елагин, по сути, тут лишний. Ничего он точно не знает, полномочий и даже элементарных технических возможностей вести расследование не имеет, а то еще и сам запросто может угодить под следствие, если хоть в чем-то немного оступится. А из того, что он, возможно, один уловил связь между отдаленными событиями и чувствует, куда они могут привести, тоже не следует ровным счетом ничего.

Поэтому он был полон решимости копать и копать. Просто в силу таинственных противоречий своего характера.

Итак, капитан шел по Садовому кольцу в сторону Маяковки и злился. А Василий Миков тем временем уже приближался на своей «шестерке» к конзаводу по местному шоссе, выжимая обычные сто двадцать в час и стараясь добавить еще, просто от нечего делать. Когда дорога шла под горку и ветер был попутным – удавалось. Наблюдая за тем, как на больших оборотах перестает барахлить достававший его с самой Москвы блок зажигания и удивляясь чудесам и возможностям техники, он чуть не проскочил мимо стоящей на обочине коневозки, на которой они ездили в Берлин.

Затормозив, Миков дал задний ход, остановился. Коневозка была та самая, сомнений быть не могло. Примелькалась за время путешествия по Европе. Ее Миков узнал бы из десятка таких же похожих: «Вольво», недавно перекрашенная, с большой царапиной по левой стороне кузова. Дверца кабины была открыта.

Посомневавшись, он вылез из «шестерки», подошел, заглянул. На сиденье лежала сложенная газета и на ней еще что-то. Сверток. Он постоял, подумал. Обошел грузовик спереди. Осторожно заглянул за чем-то в кабину с другой стороны, потом открыл дверцу кузова. Помедлив, забрался внутрь.

В кузове было темно. Привычно пахло сеном и лошадьё. Слегка, не так, как в конюшне. Машина, все же. Он включил лампочку. Остатки сена в углу, матрац, на котором спал конюх

в поездке. И никого. Он постоял в тишине, но ничего необычного не заметил. Снаружи проехала машина, потом еще одна.

Миков вылез на шоссе. Осмотрелся. Что за черт, подумал он, начиная беспокоиться. Вокруг степь, ни строений, ни людей. Даже деревьев не видно. Никого и ничего. Откуда здесь коневозка? Тут он вспомнил про газету со свертком на сиденье и забрался в кабину. Вначале включил печку, прижал ладонь к решетке: воздух шел чуть теплый, но, все же, и не холодный. Значит, машина стоит тут не так давно. С полчаса примерно.

Он взял было свертки, но привлекло внимание что-то похожее на его фамилию на первой полосе газеты, поначалу отложенной им в сторону. Развернув ее, Миков увидел, что полоса склеена из двух листов. Один был куском обычной, видимо, местной, газеты, второй, приклеенный сверху – из более плотной бумаги, текст на которой был распечатан на принтере.

На этом самодельном листе было напечатано название: «Газета». Под ним – как бы заголовок статьи: «Приезд японского посла Микирджи в наше захолустье». Дальше размещалось, действительно, что-то вроде статьи и следующий заголовок: «Покушение на Микирджи». Снова текст, и ниже еще одна крупная надпись: «Увезение тела Микиржди обратно в японскую родину». На нижнем, обычном газетном листе речь шла о каких-то районных делах и не было никаких японских послов.

Прежде чем читать, он в замешательстве поискал на других полосах название газеты, но ничего не нашел. Впрочем, это было не так уж важно. И Миков вернулся к хронике визита японского посла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.